

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

Великий Гэтсби. Рассказы

Фрэнсис Скотт Кэй Фицджеральд Великий Гэтсби. Рассказы

Серия «Библиотека
Всемирной Литературы»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64596811
Великий Гэтсби. Рассказы: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-118658-6

Аннотация

Абсолютная мировая классика, проза высочайшего уровня, созданная мастером с безупречным вкусом и уникальным литературным даром. «Великий Гэтсби» – одно из самых известных и популярных произведений американской литературы, которое неизменно входит в списки величайших книг XX в. Роман рассказывает о «веке джаза», блестящей эпохе музыки и развлечений. Изысканная и удивительно живая история роковой любви, которую герои пронесли сквозь годы. История «пути наверх» и «жизни наверху» сильного мужчины, искренне считавшего, что достигший вершин власти и богатства автоматически обретает и счастье. Мужчины, чья утрата иллюзий была медленной и очень жестокой... В книгу также включены избранные рассказы автора, признающиеся рядом

критиков лучшими в его творчестве. Сборник сопровождается вступительной статьей о жизни и творчестве писателя.

Содержание

Предисловие	6
Великий Гэтсби	19
Глава первая	20
Глава вторая	48
Глава третья	68
Глава четвертая	96
Глава пятая	122
Глава шестая	143
Глава седьмая	163
Конец ознакомительного фрагмента.	178

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Великий Гэтсби. Рассказы

© С. Ильин, перевод на русский язык. Наследники, 2021

© Ю. Седова, перевод на русский язык, 2021

© Л. Беспалова, перевод на русский язык, 2021

© В. Чарный, перевод на русский язык, 2021

© А. Шевченко, предисловие, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Предисловие

«На этих страницах я рассказал о том, как молодой человек, настроенный на редкость жизнерадостно, пережил крушение всех ценностей, такое крушение, которое он начал замечать лишь много времени спустя после того, как оно произошло. Я рассказал о последовавшем за ним времени, когда во мне боролись чувство безысходности и сознание, что необходимо жить дальше».

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Его назвали в честь дальнего родственника, написавшего государственный гимн США. Он придумал термин «эпоха джаза». Его жизнь была пронизана музыкой и наполнена ею, как смыслом. Но он стал не музыкантом, а писателем. Фрэнсис Скотт Ки Фицджеральд – сказочник джазового века, представитель «потерянного поколения», писатель-символ, классик, столетие назад писавший так, что каждому следующему поколению казался современником.

Он родился 24 сентября 1896 года в Сент-Поле, столице северного штата Миннесота, в семье ирландских католиков. Предки матери происходили из древнего ирландского рода Маккуиллан, ее отец был крупным бизнесменом. Фицджеральд старший – южанин, не слишком удачливый, разорившийся во время очередного экономического кризи-

са. Сначала он пытался производить плетеную мебель, но потерпел неудачу. Затем устроился продавцом в компанию Procter&Gamble, но не преуспел и на этом поприще. Маккуилланы выбор дочери демонстративно не одобряли, подчеркнуто игнорируя зятя. Впрочем, к внуку это не относилось – молодой семье была выделена некоторая сумма на жизнь, а юный Фрэнсис, благодаря протекции деда, учился в достойных заведениях: академии Сент-Пола, частной католической школе и в знаменитом и очень престижном Принстоне.

Фицджеральд с детства увлекался сочинением историй. Его первый рассказ – детективный – был опубликован в школьной газете, когда будущему писателю было тринадцать лет. Его наставник в католической школе, отец Сигурни Фэй, настраивал мальчика на необходимость добиваться желаемого и преуспевать, следуя своим амбициям. Амбиции юного Фицджеральда уже тогда касались двух сфер – литературы и музыки. Он мечтал писать тексты для мюзиклов и сценарии, чем и занялся вскоре, в ущерб учебе.

В Принстоне он играл в университетской футбольной команде, а также поступил сценаристом в труппу легендарного Princeton Triangle Club, знаменитого студенческого театра, для которого Фицджеральд написал несколько сценариев и либретто, параллельно публикуясь в юмористических журналах Princeton Tiger и Nassau. Несмотря на финансовое участие старших родственников, он чувствовал себя угнетен-

ным, отличающимся от однокашников, отпрысков богатых и знатных семейств. Позднее он написал о «тайной незатухающей ненависти» к чужому богатству. Университет Фицджеральд не окончил – незадолго до выпускных экзаменов, которые он боялся не сдать, он добровольцем ушел в армию, стал вторым лейтенантом пехоты и дослужился до адъютанта командира пехотной бригады, став личным секретарем генерала.

Фицджеральд был уверен, что погибнет во время военных действий на Первой мировой, поэтому в 1917 году спешно написал роман, чтобы оставить след в истории. Издатели отвергли книгу, названную автором «Романтический эгоист», но в одном из писем, сопровождающих отказ, была приписка – Фицджеральду предлагалось доработать весьма достойный и оригинальный дебют и прислать его еще раз. Впрочем, повторная попытка успехом также не увенчалась.

Незадолго до демобилизации, в июне 1918 года, Фицджеральда направили в лагерь Шеридан в штате Алабама. Там, в городке Монтгомери, он в считанные часы после знакомства влюбился в очаровательную восемнадцатилетнюю Зельду Сейр, младшую дочь Верховного судьи, первую красавицу штата, одну из самых блистательных дебютанток и богатейшую невесту. Эта встреча определила дальнейшую судьбу писателя, а Зельда, по мнению исследователей творчества Фицджеральда, стала прототипом главных героинь его романов, в каждой из которой были ее черты.

Война закончилась до того, как Фицджеральда отправили за границу, он уволился из армии и отправился в Нью-Йорк, где подвизался в рекламном бизнесе, чтобы заработать денег на женитьбу. Неудачи преследовали молодого автора – издательства возвращали рукописи одну за другой, работа в рекламном агентстве не приносила ни денег, ни удовлетворения. К тому же невеста, выросшая в достатке и комфорте, не собиралась менять комфортную жизнь на неустроенную даже ради высоких чувств и помолвку разорвала.

В подавленном настроении Фицджеральд бросил работу и вернулся в родительский дом, там он надеялся сконцентрироваться и довести до ума первый роман. В письме, адресованном Союзу книготорговцев, автор написал:

«Все, что я думаю о писательском ремесле, можно выразить одной фразой. Писать нужно для молодежи собственного поколения, для критиков того поколения, которое придет на смену, и для профессоров всех последующих поколений. Джентльмены, прошу считать, что все коктейли, упомянутые в моей книге, выпил я сам за процветание Союза книготорговцев».

Спустя год книга все же вышла – уже под названием «По ту сторону рая» и действительно снискала ошеломительный успех, как Фицджеральд и надеялся: 26 марта 1920 года двадцатичетырехлетний писатель буквально проснулся знаменитым, а неделю спустя состоялась его пышная свадьба. Юная Зельда благосклонно приняла предложение руки и

сердца уже не от нищего военного, а от подающего надежды автора. Престижные издания наперебой предлагали восходящей звезде публиковаться у них. Поколение, живущее со «страхом перед бедностью и поклонением успеху» с радостью встретило нового автора, смело выражавшего то, на что иным не хватало духу.

Началась совершенно новая жизнь. Фицджеральд активно публиковался, получал приличные гонорары, у него появился собственный литературный агент – Гарольд Обер. Писатель оставил работу над крупными произведениям в пользу беллетристики. Фицджеральд регулярно публиковался в *The Sunday Evening Post*, материалом для его прозы служило прошлое автора – его учеба в Принстоне, юные мечты, отношения с Зельдой.

В своих ранних рассказах он вывел новый романтический образ: молодая амбициозная американка, независимая, стремящаяся к успеху. Его музыка, его литература, его жизнь – все это было джазом, яркой эмоциональной импровизацией. Один из его сборников назывался «Эмансипированные и глубокомысленные». Вошедшие в него истории «Резная хрустальная чаша», «Волосы Вероники» и другие, были легкими и ироничными. Но только на первый взгляд. Писатель исследовал тему американского образа жизни, разницу между «быть» и «казаться». Вопрос чужой маски, постепенно прирастающей к лицу героя, волновала его всю жизнь.

Молодые Фицджеральды, в мгновение ока ставшие икона-

ми американского высшего света, вели богемный образ жизни. Они были богатыми, знаменитыми, живущими в настоящем моменте: бурные вечеринки, безумные траты, несколько истеричная праздность и жизнь как на подмостках – много шума, света и блесков. Могли прийти на громкую премьеру обнаженными или устроить купание в публичном фонтане. Спиртное лилось рекой – Фицджеральд уже тогда начал выказывать первые признаки алкоголизма, а не отстававшая от него Зельда вела себя эксцентрично, постоянно закатывала скандалы на почве ревности, а то и просто так.

Фрэнсис не без оснований чувствовал себя звездой, но именно это мешало ему заработать репутацию серьезного литератора и претендовать на нечто большее, чем коммерческий успех. В то же время ему хотелось не только денег, но и признания профессионального сообщества. Современники считали Фицджеральда позером, легкомысленным и неглубоким. Позднее Хемингуэй убедил их в этом на страницах автобиографического романа «Праздник, который всегда с тобой». И до конца дней Фицджеральд, будучи фигурой скорее драматической, пытался уверить всех в обратном.

После во всех смыслах жаркого лета в Коннектикуте Фицджеральд с Зельдой отправились в свое первое европейское путешествие, а затем в 1921 году переехали в Нью-Йорк, где он приступил к своему второму большому роману, а она готовилась к рождению их единственной дочери, полной тетки отца, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, которую все называ-

ли Скотти.

Второй роман, изданный в 1922 году, назывался «Прекрасные и проклятые», описывал трудную жизнь двух молодых талантливых аристократов, обремененных браком. Сюжет перекликался с личной жизнью писателя, болезненно и достоверно воспроизводя многие личные детали. Фицджеральд попался в собственную ловушку – он писал о себе и своем окружении, его собственная бурная жизнь разрушала его и давала ему вдохновение. Некоторые критики считали, что Фицджеральд намеренно эпатировал, не столько экспериментировал со стилем, сколько выражал внутренний протест, противоречие между эмоциональным состоянием и внешним положением вещей.

Он продолжал писать прозу для известных изданий, аналогов современного глянца, но все еще надеялся стать автором музыкальных комедий. Они с Зельдой даже переехали поближе к Бродвею, но это не помогло Фицджеральду стать востребованным драматургом. Пьесы никому не нравились, а политическая сатира «От президента к почтальону» провалилась на этапе читки. Фицджеральд корил себя, был подавлен, все чаще прибегал к алкоголю – уже не для веселья, а чтобы снять напряжение. Примерно в это же время Зельда стала выказывать признаки ментального нездоровья, но странности ее поведения окружающие все еще принимали за эксцентричность.

Роман «Прекрасные и проклятые» был встречен более

умеренно, чем дебют, но все еще благосклонно. Одновременно вышел сборник «Сказки века джаза». Фицджеральд экспериментировал с формой, в историях был элемент магического реализма. «Я находился в известном состоянии, характеризующимся стремлением к роскоши, и рассказ был начат как попытка удовлетворения этой тяги с помощью средств воображения», писал автор. Он использовал атмосферу, в которой находились его герои, как подмости сцены и театральный реквизит – сказывалось неосуществленное желание писать для театра. В коллекцию вошла и необычная «Загадочная история Бенджамина Баттона», идею которой, по словам Фицджеральда, подсказала цитата Марка Твена о том, что «лучшая часть жизни проходит ближе к началу, а худшая – ближе к концу».

Сборник понравился читателям. Вдохновленный его популярностью и не оставляющий попыток прославиться как заслуживающий внимания критиков прозаик, Фицджеральд принялся за новый роман. В Нью-Йорке он написал три главы, а затем в 1924 году прервался на семейное путешествие в Европу.

Фицджеральды отправились сначала в Италию, а затем во Францию. Они жили на Французской Ривьере, отношения уже тогда были натянутыми, супруги много ругались, снова мирились и расходились вновь. Все это время Фицджеральд продолжал писать малую прозу, а с 1924 по 1925 год дописывал и редактировал начатую еще в Америке книгу. Он на-

звал ее «Великий Гэтсби» – она стала символом «ревуших 20-х», олицетворением периода, который сам Фицджеральд назвал «веком джаза», единолично назначив себя его певцом. «Это был век чудес, век искусств, век излишеств и век сатиры», писал он, порождение этого века, его неотъемлемая часть. Книга, ознаменовавшая переход автора на новый литературный уровень, была тепло встречена критиками – наконец-то признание! – но мало оценена читателями. Продажи не оправдали себя и значительную часть дохода принесла передача прав на постановку и экранизацию. А между тем это был сложный по структуре, скрупулезно прописанный в деталях, литературный шедевр, позднее оказавший влияние на многих мастеров современной американской прозы.

События и атмосферу того времени в романе «Праздник, который всегда тобой» описал друг Фицджеральда, еще один представитель «потерянного поколения» Эрнест Хемингуэй, с которым супруги познакомились в Париже. Созданный им образ соотечественника, довольно противоречивый и легковесный, надолго закрепился в массовой культуре и позже был опротестован исследователями творчества Фицджеральда. До 1926 года он не написал ничего успешного, посвятив свои литературные опыты исследованию жизни эмигрантов. На этом фоне постепенно ухудшалось самочувствие Зельды.

К концу 1926 года Фицджеральды вернулись в Америку и иногда возвращались в Европу. Их отношения становились

все хуже, пара скандалила сильнее, чем в молодости, конфликты становились интенсивнее, между ними росла пропасть. Зельда, которая тоже пробовала себя на литературном поприще, решила стать танцовщицей – слава Айседоры Дункан не давала ей покоя. Но занятия балетом подорвали ее здоровье, у нее все чаще случались нервные срывы, которые однажды закончились госпитализацией в специализированную швейцарскую клинику в 1931 году. Ремиссии сменялись рецидивами, после 1932 года до конца дней Зельда провела на лечении – ей диагностировали шизофрению.

Еще один миф о Фицджеральде – его богатство. Супруги тратили деньги значительно быстрее, чем зарабатывали. Баснословных гонораров писательство не приносило. Фицджеральд написал около 160 колонок для Sunday Evening Post и других изданий, но романы, пьесы и сценарии доходным бизнесом не стали. Он был скрупулезным редактором и чутким писателем, но не дельцом – совершенно не умел себя продавать и разумно распоряжаться заработанным. Траты на дорогостоящее лечение сопровождались неудачными попытками Фицджеральда зарабатывать на написании сценариев, ему пришлось вернуться к беллетристике, чтобы оплачивать счета. Коммерческие рассказы по-прежнему кормили лучше, чем попытки оставить след в большой литературе.

Четвертый большой роман «Ночь нежна» Фицджеральд опубликовал в 1934 году. Книга провалилась – ее не оценили критики и не приняла публика. Череда неприятностей про-

должалась. Деньги закончились, Фицджеральд, страдающий алкоголизмом, зарабатывал мало и нерегулярно, Зельда уже больше никогда не вышла из больницы, а четырнадцатилетнюю Скотти пришлось отправить в интернат. Несмотря на это, Фицджеральд вел с дочерью активную переписку, пытаясь влиять на ее взгляды и образования.

В 1937 году ему все-таки удалось заключить контракт с «Метро-Голдвин-Майер» на написание сценариев. Это был «золотой век» Голливуда. Тогда у многих молодых писателей случился прорыв, Фицджеральд добился возможности готовить экранизацию «Трех товарищей» Ремарка. Впоследствии имя писателя указали в титрах, но сам сценарий был значительно переработан.

В это же время он завел роман с колумнисткой и писательницей Шейлой Грэм. Но параллельно ездил на восток страны в больницу к жене. Запой учащались. О нем говорили, как о ненадежном авторе, хотя Фицджеральд продолжал писать статьи и эссе для журнала *Esquire*, в очередной раз потерпев крах в качестве сценариста. Все это время он писал роман «Последний магнат», который так и остался неоконченным – 21 декабря 1940 писателя не стало. Причиной смерти объявили инфаркт. Зельда пережила мужа на восемь лет – в 1948 году она погибла при пожаре в больнице.

Рассказы и новеллы, написанные в последние годы жизни, как и не снискавшая успеха книга «Ночь нежна», были во многом автобиографическими. Многие из них вошли в

посмертные сборники, вышедшие в 1945 и 1951 году. Коллекции, составленные из рассказов разных лет, представляли собой своеобразную летопись литературной жизни Фицджеральда – от гремящих, бурлескных 1920-м к депрессивным, тяжелым 1930-м. По этим кратким историям можно проследить не только хронологию короткого «золотого века» джаза, но и ухудшение морального состояния самого писателя. От легкой иронии он перешел к сарказму и драме. Фицджеральд жалел, что его романы и пьесы недостаточно оценены широкой публикой, а между тем его малая проза снижала большую популярность после смерти автора – многие литераторы считали себя последователями его манеры.

Фицджеральд был безупречным стилистом, писателем с идеальным авторским слухом, который позволял ему в тонкостях передать натужное веселье и тревоги поколения, метко обозначенного Гертрудой Стайн как «потерянное». Эти молодые люди, прожившие свой короткий век между двумя мировыми войнами, интуитивно чувствовали крах американской мечты, смещение акцентов, грядущую катастрофу. Богатый и знаменитый, разочарованный и подавленный, медленно погружающийся в алкогольную меланхолию за полгода до смерти Фицджеральд писал своему редактору: «Погибнуть так бесповоротно, так несправедливо, а я же кое-что сделал, и немало! Даже и сейчас не так уж часто встретишь в американской прозе вещи, на которых вовсе нет моего отблеска, – пусть совсем немножко, но я ведь был

своеобразен».

Анастасия Шевченко

Великий Гэтсби

Надень золотую шляпу и скачи перед ней, пока она не скажет: «О возлюбленный мой! О мой возлюбленный златошляпый прыгун, я буду навек с тобой!»

Томас Парк Д'инвильерс¹

¹ Псевдоним Ф. С. Фицджеральда, герой его якобы автобиографического романа «По эту сторону рая» (1920).

Глава первая

В пору моей впечатлительной юности отец дал мне совет, который с того времени нейдет у меня из головы. «Всякий раз, как у тебя возникнет желание осудить кого-то, – сказал он, – вспоминай, что не все люди получили на этом свете блага, которые выпали на твою долю».

Вот и все, что он мне сказал, Впрочем, разговоры наши всегда отличались редкостным немногословьем, и потому я понял: отец подразумевал нечто большее. В результате я приобрел склонность воздерживаться от любых суждений – привычка, благодаря которой мне раскрывало души немалое число интересных людей, хотя она же и обращала меня в жертву закоренелым занудам. Обладатель не вполне нормального разума умеет быстро обнаруживать такую склонность в человеке нормальном и вцепляться в него мертвой хваткой, отчего и получилось, что в колледже меня несправедливо считали тонким интриганом, поскольку люди никому не любопытные, дичившиеся всех прочих, посвящали меня в свои горестные тайны. По большей части я их откровений отнюдь не искал и нередко, едва поняв по некоторым безошибочно узнаваемым признакам, что на горизонте замаячила интимная исповедь, изображал сонливость, великую занятость или неприязненную легковесность; ведь интимные исповеди молодых мужчин или, по крайней мере,

выражения, в которые они облачаются, как правило, отда-
ют плагиатом либо основательно замутняются очевидными
недомолвками. Воздерживаться от суждений – значит пи-
тать неутолимую надежду. Я и поныне боюсь упустить что-
нибудь важное, если вдруг забуду то, что не без тщеславия
утверждал мой отец и не без тщеславия повторяю я: что
краеугольное качество добропорядочности распределяется
между нами, рождающимися на свет, не поровну.

Ну вот, побахвалившись подобным образом присущей
мне терпимостью, я готов признать, что и ей положены опре-
деленные пределы. Поведение человека может иметь фун-
даментом крепкую скальную породу, а может и болотную
топь, однако по пересечении определенной черты я пере-
стаю интересоваться тем, что лежит в его основе. Вернув-
шись прошлой осенью с востока страны, я томился жаждой
единообразия мира: желал, чтобы он, когда дело идет о нрав-
ственности, застывал по стойке «смирно», а сумбурные экс-
курсии с правом осмотра тайников человеческих душ бо-
лее не привлекали меня. Исключением стал лишь Гэтсби,
тот, именем коего названа эта книга, – Гэтсби, олицетворяв-
ший все, к чему я питал безучастное презрение. Если лич-
ность можно оценивать по непрерывной череде удачных же-
стов, то в нем действительно присутствовало нечто блестя-
щее, обостренная восприимчивость к посулам жизни; он был
подобен сложному прибору, который слышит землетрясе-
ния, происходящие в десяти тысячах миль от него. Эта от-

зывчивость не имела ничего общего с вялой впечатлительностью, которая носит благородное прозвание «творческая натура», – она была поразительным даром надежды, романтической готовности ко всему на свете, даром, какого я не встречал больше ни в ком и какой навряд ли увижу снова. Нет, в конечном счете, Гэтсби оказался человеком замечательным – это те, кто жил за его счет, та грязная пыль, что вилась по пятам за его мечтаниями, – она заставила меня на время утратить интерес к бесплодным печалям и взлетам наделенных куцыми крыльями людей.

Происхожу я из видной, состоятельной семьи, три поколения которой жили в родном моем городе на Среднем Западе. Каррауэи – это подобие клана; согласно преданию, мы ведем свой род от герцогов Баклю, хотя непосредственным основателем нашей линии был брат моего деда, перебравшийся сюда в пятьдесят первом, отправивший кого-то взамен себя на Гражданскую войну и основавший оптовую торговлю скобяным товаром, возглавляемую ныне моим отцом.

Двоюродного дедушку мне видеть не довелось; предполагается, однако ж, что я похож на него, – доказательством служит довольно топорной работы портрет его, висящий в кабинете отца. Учебу в Нью-Хейвене я закончил в 1915 году, ровно через четверть века после отца, и несколько позже принял участие в той запоздалой миграции тевтонского племени, что получила название Мировой войны. Наш контрудар доставил мне удовольствие столь большое, что, и вер-

нувшись домой, я все никак не мог успокоиться. Средний Запад представлялся мне теперь не уютным центром вселенной, но ее неказистой окраиной – и потому я надумал поехать на Восток, дабы изучить тонкости обращения с долговыми обязательствами. Каждый, кого я знал, занимался долговыми обязательствами, вот я и решил, что этот бизнес в состоянии прокормить еще одного холостяка. Тетушки мои и дядюшки обсуждали сей замысел с таким усердием, точно дело шло о выборе для меня частной школы, и наконец постановили: «Ну, что же, д-да», сохраняя, впрочем, на лицах мрачное, неуверенное выражение. Отец согласился в течение года выплачивать мне содержание, и весной двадцать второго я отправился на Восток – навсегда, как я полагал.

Разумнее всего было подыскать жилище в городе, однако время стояло теплое, а я только что покинул край просторных лужаек и приветливых деревьев, поэтому, когда работавший в одном со мной офисе молодой человек предложил снять с ним на пару дом в пригороде, я счел эту мысль превосходной. Он подыскал издавшее виды шаткое бунгало, сдававшееся за восемьдесят долларов в месяц, но в последнюю минуту фирма отослала его в Вашингтон, и пришлось мне отправиться за город одному. У меня была собака – во всяком случае, пробыла несколько дней, пока не сбежала, – старенький «Додж» и финских кровей служанка, которая стелила мою постель, готовила завтрак и вполголоса делилась сама с собой, стоя у электрической плитки, перлами

финской мудрости.

День-другой мне было одиноко, но затем поутру меня остановил на дороге человек, приехавший туда позже меня.

– Не скажете, как попасть на Уэст-Эгг? – сокрушенно осведомился он.

Я объяснил. И продолжил свой путь, уже не терзаясь одиночеством: я обратился в проводника, следопыта, первого поселенца. Сам того не заметив, человек этот даровал всему, что меня здесь окружало, свободу.

В то утро, под солнцем и трепетом листвы, которая словно рвалась из древесных ветвей, как при замедленной киносъемке, ко мне вернулась привычная уверенность: с летом жизнь начинается заново.

Мне предстояло прежде всего столь многое прочитывать, впитывать столько здоровья из молодого воздуха, которым так привольно дышалось. Я купил десяток томов по банковскому и кредитному делу, по ценным бумагам, и они выстроились на полке, красные с золотом, похожие на только что отчеканенные монеты, обещаая открыть ослепительные тайны, ведомые лишь Мидасу, Моргану и Меценату. Впрочем, я имел возвышенное намерение прочесть и множество иных книг. В колледже я питал склонность к литературе – в один год написал даже для «Йель-Ньюс» несколько весьма напыщенных и тривиальных передовых статей, – и теперь собирался обновить эту сторону моей жизни, снова стать самым узким из всех специалистов – «широко образованным чело-

веком». И это не праздная ирония – в конце концов, жизнь удобнее всего созерцать, имея в своем распоряжении только одно оконце.

Случай распорядился так, что дом я снял в одном из самых удивительных поселений Северной Америки. Оно находится на длинном, бестолковом острове, что тянется от Нью-Йорка прямо на восток, – здесь среди прочих причуд природы имеется два необычных геологических курьеза. В двадцати милях от города во влажное задворье Нью-Йорка, именуемое проливом Лонг-Айленд – а это самое обжитое в Западном полушарии морское пространство, – вдается пара огромных, одинаковых по очертаниям «яиц», разделенных бухтой, каковую местные жители с учтивой снисходительностью именуют «заливом». Подобно колумбовым, совершенной овальностью эти «яйца» не отличаются, оба слегка приплюснуты со стороны «залива», однако физическое подобие их наверняка сбивает с толку парящих над ними чаек. Бескрылых же существ куда сильнее завораживает их несходство во всем, кроме формы и размера.

Я жил на Уэст-эгг, бывшем, как бы это сказать... менее фешенебельным, чем Восточное, хотя это поверхностное слово едва ли передает странный и не в малой мере злоеущий контраст двух островов. Дом мой стоял на самой оконечности «яйца», не более чем в пятидесяти ярдах от Пролива, и был затиснут между двумя огромными дворцами, которые сдавались за двенадцать, а то и пятнадцать тысяч в се-

зон. Возвышавшийся справа, колоссальный по каким угодно меркам, был, на деле, имитацией нормандского Hôtel de Ville² – с фланговой башней, новизна которой просвечивала сквозь реденькую бородку юного плюща, мраморным бассейном и сорока с лишком акрами лужаек и парков. То была обитель Гэтсби. Правильнее сказать, поскольку знакомство с мистером Гэтсби я свел не сразу, то была обитель джентльмена, носившего эту фамилию. Мой же дом представлялся бельмом на глазу, однако бельмом маленьким и потому его проглядели, а я получил возможность наслаждаться видом на Пролив и на кусочек одной из лужаек моего соседа. Утешительная близость к миллионерам – и всего за восемьдесят долларов в месяц.

На другом берегу «залива» посверкивали выстроившиеся вдоль воды белоснежные дворцы фешенебельного Ист-Эгг, и начало истории того лета пришлось, по сути, на вечер, когда я отправился туда, чтобы пообедать с мистером и миссис Том Бьюкенен. Дэйзи приходилась мне троюродной племянницей, а Тома я знал по университету. Кроме того, сразу после войны я провел с ними два дня в Чикаго.

Муж Дэйзи, обладатель множества физических достоинств, был одним из самых мощных тайт-эндов, какие когда-либо играли в футбольной команде Нью-Хейвена – фигурой масштаба, в некотором роде, национального, одним из тех, кто в двадцать один год достигает таких, пусть и до край-

² Городской особняк (*фр.*). – Здесь и далее примечания переводчика.

ности узких, но высот, что дальнейшая их жизнь приобретает привкус поражения. Семья Тома была несосветимо богата – даже в колледже его безудержное мотовство порождало множество нареканий, – ныне же он покинул Чикаго ради Востока с размахом попросту ошеломительным: перевезя, к примеру, из Лейк-Фореста целый табун пони для игры в поло. Трудно представить, что человек моего поколения может быть богат настолько, чтобы позволить себе подобную роскошь.

Что привело их на Восток, я не знаю. Они прожили, без какой-либо на то причины, год во Франции, а после их словно вихрь какой-то носил по местам, где богатые люди играют в поло и упиваются обществом друг друга. Это последний переезд, сказала мне по телефону Дэйзи, однако я ей не поверил – читать в ее сердце я не умел, но чувствовал, что Том так и будет носиться по свету, выискивая без особой веры в успех драматическую взвинченность какого-то невозвратимого футбольного матча.

Оттого и случилось, что теплым ветреным вечером я отправился на Ист-Эгг повидать двух давних знакомых, которых почти не знал. Дом их оказался изукрашенным даже лучше, чем я полагал, – то был глядевший на «залив» праздничный, красный с белым особняк георгианской колониальной поры. Лужайка начиналась от пляжа и на протяжении четверти мили взбегала к парадной двери, перепрыгивая через посыпанные толченым кирпичом дорожки, огибая сол-

нечные часы и горевшие множеством красок сады, — и наконец, когда я достиг особняка, вспорхнула яркими виноградными лозами по его боковой стене, словно не сумев приостановить свой бег. Фасад прорезала череда французских окон, распахнутых в теплый ветреный послеполудень и сиявших отражениями золота, а на парадной веранде стоял, широко расставив ноги, одетый для верховой езды Том Бьюкенен.

Он изменился со времен Нью-Хейвена. Ныне это был крепкий тридцатилетний мужчина с соломенными волосами, довольно жестким ртом и высокомерной повадкой. На лице его главенствовали светившиеся надменностью глаза, которые сообщали Тому вид угрожающе подавшегося корпусом вперед человека. И даже дамская щеголеватость наезднического наряда не способна была скрыть огромную мощь его тела — казалось, что икры Тома, неимоверно напрягая шнуровку, до отказа наполняют поблескивающие высокие ботинки, а когда он поводил плечами, видно было, как под тонкой тканью сюртука ходят колоссальные бугры мышц. То было тело, способное на огромные усилия, — жестокое тело.

Голос Тома, резкий хриловатый тенор, лишь усиливал создаваемое им впечатление вздорной капризности. В голосе Тома Бьюкенена звучала — даже когда он обращался к тем, кто ему нравился, — нотка покровительственной презрительности, и я знал в Нью-Хейвене немало людей, которые его на дух не переносили.

«Я, в отличие от вас, настоящий мужчина, да и посильнее

вашего буду, – казалось, желал сказать он, – однако из этого не следует, что я всегда прав». Мы состояли в одном тайном студенческом обществе, и, хотя близкими друзьями не стали, мне всегда казалось, что Том неплохо ко мне относится и испытывает смутное желание произвести на меня приятное впечатление, не поступившись, однако ж, своей вызывающей и какой-то тоскливой резкостью.

Несколько минут мы беседовали, стоя на залитой солнцем веранде.

– Недурственным я здесь обзавелся жилищем, – сказал он, окидывая беспокойным взглядом свои владения.

Он развернул меня кругом и обвел широкой плоской ладонью открывавшийся с веранды вид, охватив этим жестом притопленный в землю итальянский парк, пол-акра темных роз, которые наполняли воздух язвящим ароматом, и показывавшуюся у берега тупоносую моторную яхту.

– Все это принадлежало Демэйну, нефтедобытчику. – Он снова развернул меня, учтиво, но резко. – Пошли в дом.

Пройдясь под высокими потолками вестибюля, мы вступили в яркое, розовых тонов пространство, которое неуверенно удерживали внутри дома французские окна, светившиеся на противоположных его краях. Окна стояли настежь, белея на свежей зелени наружной травы, казалось проникавшей отчасти и вглубь дома. Легкий ветер гулял по комнате, вдувая в нее занавеси на одном конце и выплескивая, как светлые флаги, вовне на другом, скручивая их, взметая к гла-

зированной свадебному торту потолка, а после зыбля над виоцветным ковром, устилая его бегущими, словно по морю, тенями.

Единственным, что хранило в этой комнате совершенную неподвижность, был огромный диван, над которым парили, чуть покачиваясь, точно монгольфьеры на привязи, две молодые женщины. Обе в белом, платья обеих струились и колыхались, как будто их обладательницы только что приземлились здесь, совершив недолгий облет дома. Должно быть, я простоял несколько мгновений на пороге комнаты, вслушиваясь в хлопки и щелчки занавесей, в постаныванья картины на стене. Затем раздался гулкий удар – это Том Бьюкенен захлопнул задние окна, и пойманный в ловушку ветер испустил в комнате дух, и занавеси, и ковры, и две молодые женщины медленно опали из воздуха на свои места.

Той, что была помоложе, я не знал. Она лежала, вытянувшись на своем конце дивана, совершенно неподвижная, чуть приподняв подбородок, словно уравновесив на нем некий предмет, почти наверняка обреченный на падение. Если она и заметила меня краем глаза, то ничем этого не показала – и я, пораженный, едва не забормотал слова извинения за то, что нарушил, явившись сюда, ее покой.

Вторая женщина, Дэйзи, честно попыталась встать – чуть наклонилась вперед, но затем издала нелепый, чарующий смешок, и я, тоже усмехнувшись, вошел в комнату.

– Я п-парализована счастьем.

Она усмехнулась снова, словно сказала нечто до крайности остроумное, на миг задержала мою ладонь в своей, вглядываясь мне в лицо, заверяя меня этим взглядом, что никого на свете ей не хотелось бы видеть так сильно. Обычная ее манера. Тихим бормотком Дэйзи дала мне понять, что увлеченная странной балансировкой женщина носит фамилию Бейкер. (Да, я знаю, поговаривают, будто Дэйзи придумала свой бормоток, чтобы заставить людей склоняться к ней поближе, – пустая придирка, не делающая его менее очаровательным.)

Так или иначе, губы мисс Бейкер дрогнули, она почти неприметно кивнула мне и снова откинула голову назад – надо полагать, та вещь, равновесие которой она старалась сохранить, качнулась, чуть напугав ее. И снова с моих губ едва не сорвались извинения. Почти всякое проявление довольства собой сражает меня, внушая почтительный трепет.

Я взглянул на кузину, и та начала задавать мне вопросы – негромким, проницающим душу голосом. Голосом из тех, за возвышениями и падениями которых слух наш следит поневоле, как если бы каждая произносимая ими фраза была совокупностью музыкальных нот, которая никогда больше не прозвучит. Грустное, миловидное лицо Дэйзи не лишено было живости – живые глаза, живой и страстный рот, – но в голосе пело волнение, забыть которое мужчинам, равнодушным к ней, было трудно: напевный напор, едва различимое «слушай», уверение, будто, вот, совсем недавно она проде-

лала нечто веселое, волнующее и, подождите часок, – проделает снова.

Я рассказал ей, как по пути на восток задержался на день в Чикаго и как десяток людей, которых я в нем повстречал, просили передать ей сердечный привет.

– Так по мне там скучают? – восторженно вскричала она.

– Город попросту безутешен. Левое заднее колесо каждой машины выкрашено в черный цвет – вылитый похоронный венок – и во всю ночь вдоль Северного берега разносятся стенания.

– Какая роскошь! Давай вернемся туда, Том. Завтра же! – к чему она ни с того ни с сего добавила: – Ты должен взглянуть на малышку.

– С удовольствием.

– Она спит. Ей два годика. Ты ее когда-нибудь видел?

– Никогда.

– Так взгляни непременно. Она...

Беспокойно круживший по комнате Том Бьюкенен остановился, положил ладонь мне на плечо.

– Чем ты занимаешься, Ник?

– Долговыми обязательствами.

– Где?

Я назвал нашу компанию.

– Никогда о них не слышал, – не обинуясь, заметил Том.

Меня это рассердило.

– Услышишь, – отрывисто ответил я. – Если останешься

на Востоке.

– О, на Востоке-то я останусь, будь уверен, – сказал он, взглянув на Дэйзи, а затем снова на меня, словно в ожидании чего-то еще. – Я был бы черт-те каким дураком, если бы поселился где-то еще.

И вот тут мисс Бейкер объявила: «Безусловно!» – столь неожиданно, что я вздрогнул, – то было первое слово, произнесенное ею со времени моего появления в комнате. Очевидно, ее оно удивило не меньше, чем меня, поскольку мисс Бейкер зевнула и в несколько проворных движений поднялась на ноги.

– Совсем одеревенела, – пожаловалась она. – Сколько себя помню, все лежу и лежу на этой софе.

– Только не смотри на меня с укоризной, – сердито отозвалась Дэйзи. – Я тебя с самого полудня пыталась в Нью-Йорк вытащить.

– Нет, спасибо, – сказала мисс Бейкер четырем коктейлям, как раз в этот миг внесенным в комнату. – Мне безусловно нужно следить за формой.

Хозяин дома уставился на нее, словно не поверив своим ушам.

– Тебе? – Он взял бокал и заглянул в него так, точно там плескалось что-то на самом доньшке. – Как тебе вообще удастся чего-то достичь – это выше моего понимания.

Я смотрел на мисс Бейкер, гадая, чего же это она «достигла». Смотреть на нее было приятно. Стройная девушка с ма-

ленькой грудью, со станом, прямизну которого она подчеркивала, слегка отводя, точно юный кадет, плечи назад. Она тоже обратила ко мне взгляд серых, прищуренных от солнечного света глаз, и на ее бледном, чарующем, недовольном чем-то лице обозначилось выражение воспитанного ответного интереса. Теперь я сообразил, что где-то уже видел ее – или ее фотографию.

– Вы живете на Уэст-Эгг, – надменно произнесла она. – Я там кое-кого знаю.

– А я так ни единого человека...

– Ну, Гэтсби-то вы знать должны.

– Гэтсби? – переспросила Дэйзи. – Какого Гэтсби?

Прежде чем я успел сообщить, что так зовут моего соседа, нас позвали к столу; Том Бьюкенен, властно просунув свою мускулистую руку под мою, повлек меня из комнаты, словно переставляя шашку с одной клетки на другую.

Стройные, неторопливые молодые женщины вышли, слегка подбоченившись, опережая нас, на розовых тонов веранду, глядевшую в сторону заката, подступили к столу, на котором подрагивало под стихавшим ветром пламя четырех свечей.

– А свечи-то к чему? – неодобрительно нахмурилась Дэйзи. И погасила их щелчками пальцев. – Через две недели – самый длинный в году день.

Она обратила к нам вдруг просиявшее лицо.

– Вы тоже всегда ждете самого длинного дня в году, а по-

том пропускаете? Я вечно жду, а потом пропускаю.

– Нужно будет что-нибудь на него придумать, – предложила, зевнув, мисс Бейкер и присела за стол так, словно в постель улеглась.

– Ладно, – сказала Дэйзи. – А что?

Она беспомощно взглянула на меня:

– Что обычно придумывают люди?

Я еще не успел ответить, как она, с испугом уставившись на свой мизинец, пожаловалась:

– Смотрите! Я поранилась.

Мы посмотрели – костяшка мизинца отливала темной синевой.

– Это твоя работа, Том, – укоризненно сказала Дэйзи. – Я знаю, ты не нарочно, но ты это сделал. Вот что я получила, выйдя замуж за такое животное, за огромный, громоздкий, нескладный образчик...

– Мне не нравится слово «нескладный», – сварливо перебил ее Том, – даже в шутку.

– Нескладный, – упрямо повторила Дэйзи.

Время от времени она и мисс Бейкер заговаривали вместе, с шутиливой бессвязностью, однако назвать эти речи пустой болтовней было нельзя, в словах двух женщин неизменно присутствовало то же спокойствие, что и в их белых платьях, в безразличных, лишенных любых желаний глазах. Они были здесь, рядом, они принимали наше с Томом присутствие, они прилагали приятные, учтивые усилия к тому, что-

бы развлечь нас или развлечься самим. Обе знали, что обед в скором будущем завершится, а несколько позже завершится и вечер и о нем можно будет забыть. Все это сильно отличалось от запада страны, где вечера торопливо переходят из одной стадии в другую, близясь к концу в сопровождении нервной боязни финала или неизменно обманчивых предвкушений.

– Рядом с тобой, Дэйзи, я начинаю чувствовать себя человеком нецивилизованным, – признался я под второй бокал отдававшего пробкой, бойкого, хоть и впечатляющего кларета. – Ты не могла бы порассуждать о видах на урожай или о чем-то еще в таком роде?

Я и сам не взялся бы объяснить, что хотел этим сказать, однако прием мои слова получили неожиданный.

– Цивилизация гибнет, – вдруг резко выпалил Том. – Я на этот счет большой пессимист. Ты читал «Возвышение цветных империй» Годдара?

– Нет, а что? – ответил я, немного дивясь его тону.

– Да ничего, просто хорошая книга, каждому стоит прочесть. Идея ее в том, что если мы не будем начеку, белую расу... ну, оттеснят на второй план. Книга научная, в ней все доказано.

– Том обращается в необычайно вдумчивого человека, – сказала Дэйзи, состроив гримаску беспечной печали. – Читает серьезные книги, в которых много длинных слов. Какое это слово мы...

– Я читаю научные книги, – заявил Том, бросив на нее раздраженный взгляд. – Этот малый все просчитал. Нам, господствующей расе, следует сохранять бдительность, иначе власть над миром захватят другие расы.

– Перебить их всех, и дело с концом, – прошептала Дэйзи, свирепо подмигивая жаркому солнцу.

– Тебе следовало поселиться в Калифорнии... – начала мисс Бейкер, но Том, грузно сместившись в кресле, не дал ей закончить.

– Мысль его в том, что мы – люди нордической расы. Я, ты, и ты, и... – после кратчайшего колебания он легко кивнул Дэйзи, включив в нашу компанию и ее, и она снова мне подмигнула. – Это мы создали все, из чего состоит цивилизация – ну, там, науку, искусство и прочее. Понимаешь?

Что-то жалкое присутствовало в озабоченности Тома – казалось, ему уже не хватало самодовольства, хоть и усилившегося против прежнего. Когда же – почти сразу вслед за его вопросом – в доме затрезвонил телефон и дворецкий покинул веранду, Дэйзи, воспользовавшись заминкой в разговоре, склонилась ко мне.

– Я хочу открыть тебе семейную тайну, – воодушевленно прошептала она. – Насчет носа дворецкого. Хочешь узнать про нос дворецкого?

– Ради этого я к вам и приехал.

– Так вот, он не всегда был дворецким. Раньше он служил у одних людей в Нью-Йорке, отчищал их столовое серебро, а

у них человек двести за стол садилось. Чистил он его, чистил с утра и до ночи, и, наконец, это занятие стало вредить его носу...

– А там и пошло – от плохого к худшему, – вставила мисс Бейкер.

– Да. Все пошло от плохого к худшему и кончилось тем, что ему пришлось отказаться от места.

На мгновение последний свет солнца с романтической нежностью коснулся ее просиявшего лица; голос Дэйзи словно притянул меня, я слушал его, затаив дыхание, но тут сияние стало меркнуть, каждый луч покидал ее лицо с медлящим сожалением, – как ребенок, уходящий при наступлении сумерек с милой ему улицы.

Дворецкий вернулся и что-то пробормотал Тому на ухо, Том нахмурился, отодвинул свое кресло от стола и, не промолвив ни слова, ушел в дом. Его отсутствие словно подстегнуло какие-то мысли Дэйзи, она снова подалась вперед и заговорила, пылко и певуче:

– Так приятно видеть тебя за нашим столом, Ник. Ты напоминаешь мне м-м... розу, совершенную розу. Ведь так? – Она повернулась за подтверждением к мисс Бейкер. – Совершенная роза, верно?

Это неправда. На розу я не похож и отдаленно. Дэйзи всего лишь импровизировала, но источала при этом такую берущую за душу доброту, что казалось, будто само ее сердце пыталось подобраться ко мне поближе, укрывшись в одном

из этих тихих, трепетных слов. А затем она вдруг бросила салфетку на стол, извинилась и тоже ушла в дом.

Мы с мисс Бейкер обменялись короткими взглядами, постаравшись не вложить в них никакого значения. Я открыл было рот, собираясь заговорить, однако мисс Бейкер настороженно выпрямилась и предостерегающе шепнула: «Чшш!» Из ближней комнаты до нас доносился приглушенный взволнованный разговор, мисс Бейкер без тени стыда вытянула шею, пытаясь расслышать произносимые там слова. Разговор поколебался на самой грани различимости, затих, снова окреп, возбужденный, и прервался насовсем.

– Тот мистер Гэтсби, о котором вы упомянули, сосед мне... – начал я.

– Помолчите. Я пытаюсь понять, что там происходит.

– А разве что-то происходит? – невинно осведомился я.

– То есть вы ничего не знаете? – искренне удивилась мисс Бейкер. – Я думала, все знают.

– Я – нет.

– Ну как же... – Она помялась. – Том завел в Нью-Йорке женщину.

– Завел женщину? – тупо переспросил я.

Мисс Бейкер кивнула.

– Могла бы и посовеститься звонить ему сюда во время обеда. Вам не кажется?

Я еще не успел вполне осознать смысл ее слов, как послышался шелест платья, скрип кожаных ботинок – Дэйзи с То-

мом вернулись к столу.

– Не удержалась! – с натушной веселостью воскликнула Дэйзи.

Она села, окинула изучающим взглядом мисс Бейкер, потом меня и продолжила:

– Я на минутку выглянула в парк, там так романтично. На лужайке птичка поет, наверное – соловей, переплывший Атлантику на пароходе «Кунарда» или «Белая звезда». Так разливается... – И она сама почти пропела: – Романтично, не правда ли, Том?

– Весьма, – ответил он и с жалким видом повернулся ко мне: – Если после обеда еще будет светло, я бы сводил тебя на конюшню.

В доме вновь зазвонил, испугав нас, телефон. Дэйзи взглянула на Тома, решительно покачала головой, и тема конюшни, как, собственно, и все прочие темы, растаяла в воздухе. Из разрозненных фрагментов последних пяти минут, которые мы провели за столом, я только и помню, что снова зажженные, непонятно зачем, свечи и мои старания смотреть в лицо каждому и при этом ни с кем не встречаться взглядом. О чем думали Дэйзи и Том, я догадаться не мог, полагаю, однако, что даже обладавшей своего рода стойким скептицизмом мисс Бейкер не удалось полностью отрешиться от пронзительной металлической настырности нашего пятого сотрапезника. Человеку определенного склада положение наше могло показаться занятым, меня же так и подмы-

вало немедленно позвонить в полицию.

Лошади, о чем можно и не говорить, больше не упоминались. Том и мисс Бейкер удалились, разделенные несколькими футами сумерек, в библиотеку, словно там дожидался их бдения вполне реальный покойник, я же, прилагая усилия к тому, чтобы выглядеть человеком приятно заинтересованным и немного тугим на ухо, последовал за Дэйзи по чередесоединенных веранд к главной из них, парадной. Там, в уже стустившемся полумраке, мы присели бок о бок на плетеное канапе.

Дэйзи приложила ладони к щекам, словно намереваясь ощупать прелестный овал своего лица, взгляд ее неторопливо блуждал по бархатистому сумраку. Я понимал, что ее обу ревают сильные чувства, и потому принялся задавать успокоительные, как мне представлялось, вопросы об их с Томом дочери.

– Мы не очень хорошо знаем друг друга, Ник, – внезапно сказала Дэйзи. – Хоть мы и родня. Ты не приезжал на мою свадьбу.

– Я тогда еще не вернулся с войны.

– Это правда. – Она поколебалась. – Я пережила очень плохое время, Ник, и стала циничной во всем.

По-видимому, у нее имелись на то причины. Я подождал немного, однако Дэйзи ничего больше не сказала, и я вернулся, несколько неуклюже, к ее дочери.

– Я так понимаю, она разговаривает и... ест и все прочее.

– О да. – Дэйзи перевела на меня рассеянный взгляд. – Знаешь, что я сказала, когда она родилась? Хочешь это услышать?

– Очень.

– Тогда ты сможешь понять, какие чувства я испытывала к... ко всему. Ну вот, после родов прошло меньше часа, а Том – бог его знает, где он был в то время. Я очнулась от эфира, чувствуя себя всеми покинутой, и сразу спросила у медицинской сестры, мальчик у меня родился или девочка. Она ответила – девочка, и я отвернулась к стене и заплакала. «Ладно, – сказала я, – хорошо, что девочка. Надеюсь, она вырастет душой, это лучшее, чем может стать в жизни девочка, – красивой дурочкой».

– Знаешь, по-моему, все вокруг ужасно, так или иначе, – убежденно продолжала Дэйзи. – Да все так думают, даже самые передовые люди. Но я-то знаю.

Она пробежалась по темноте полным вызова взглядом, напомнив мне Тома, и усмехнулась с презрением, от которого меня пробила зябкая дрожь.

– Умудренной – вот какой я стала, о Господи, умудренной!

Голос Дэйзи надломился, чары, удерживавшие мое внимание, поддерживавшие веру, распались, и я почувствовал коренную неискренность сказанного ею. Мне стало неловко, словно я понял вдруг, что весь этот вечер был обманом, своего рода уловкой, имевшей целью обратить меня в эмоционального соучастника всего, что здесь происходит. Я ждал

продолжения, и разумеется, миг спустя Дэйзи повернула ко мне прелестное лицо, светившееся глуповатым самодовольством: ей удалось доказать свою принадлежность к тайному обществу избранных, в котором состояли она и Том.

Кармазиновых тонов комната походила на облитый светом цветок.

Том и мисс Бейкер сидели по краям длинного дивана, она читала ему вслух что-то из «Сетеди ивнинг пост» – слова, негромкие, вечно все те же, текли, словно усыпительная музыка. Свет ламп, яркий на его ботинках и тускневший в ее желтых, как осенние листья, волосах, плеснул мгновенным отблеском на бумаге, когда мисс Бейкер перевернула – отчего встрепенулись тонкие мышцы ее рук – страницу.

Когда мы вошли, она подняла ладонь, призывая нас к молчанию.

– Продолжение, – вскоре сообщила мисс Бейкер, бросив журнал на стол, – в следующем номере.

Тело ее напомнило о себе подергиванием колена, она встала.

– Десять часов, – сказала она, отыскав, надо думать, на потолке невидимые часы. – Хорошим девушкам пора ложиться спать.

– Джордан завтра выступает в турнире, – пояснила Дэйзи, – в Уэстчестере.

– О, так вы – Джордан Бейкер.

Теперь я понял, откуда знаю ее лицо: привлекательное

и презрительное, оно смотрело на меня со многих ротографюр, посвященных спортивным событиям в Эшвилле, Хот-Спрингсе и Палм-Биче. Слышал я и какую-то связанную с ней историю, предосудительную, малоприятную, но какую – давно забыл.

– Спокойной ночи, – мягко сказала она. – Разбудите меня в восемь, хорошо?

– Если проснешься.

– Проснусь. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. Скоро увидимся.

– Ну еще бы, – подтвердила Дэйзи. – Думаю, мы вас поженем. Приезжай к нам почаще, Ник, и я постараюсь – как это? – свести вас. Знаешь, буду случайно запирать вас в бельевых шкафах, сажать обоих в лодку и отпускать ее по морским волнам, ну и прочее в том же роде...

– Спокойной ночи, – повторила уже с лестницы мисс Бейкер. – Я ни слова не расслышала.

– Хорошая девушка, – сказал, выдержав паузу, Том. – Им не следует позволять ей болтаться вот так по всей стране.

– Кому это «им»? – холодно осведомилась Дэйзи.

– Ее семье.

– Ее семья состоит из единственной тетушки, которой уже тысяча лет. А кроме того, за ней станет присматривать Ник, ведь правда, Ник? Этим летом она будет проводить большую часть уик-эндов у нас. Думаю, наш дом окажет на нее благотворное воздействие.

Некоторое время Дэйзи и Том молча взирали друг на дружку.

– Она из Нью-Йорка? – поспешил спросить я.

– Из Луисвилла. Там мы провели вместе наше белое детство. Наше прекрасное белое...

– Вы с Ником успели поговорить на веранде по душам? – внезапно осведомился Том.

– Мы успели? – повернулась ко мне Дэйзи.

– Не припоминаю. По-моему, мы разговаривали о нордической расе. Да, верно. Разговор как-то завелся сам собой, мы и опомниться не успели...

– Не верь всему, что слышишь, Ник, – порекомендовал Том.

Я бодро ответил, что ничего, собственно, и не слышал, и несколько минут спустя встал, чтобы ехать домой. Они проводили меня до дверей, постояли бок о бок в квадрате веселого света. Когда я включил двигатель, Дэйзи не терпящим возражения тоном окликнула меня: «Постой!»

– Забыла спросить тебя, а это важно. Мы слышали, ты помолвлен с кем-то на Западе.

– Да, верно, – благожелательно подтвердил Том. – Говорили, что ты помолвлен.

– Навет. Я слишком беден.

– Но мы же слышали, – упорствовала Дэйзи, и лицо ее, к моему удивлению, снова раскрылось, точно цветок. – Слышали от трех людей, стало быть, это не может быть неправ-

дой.

Разумеется, я знал, о чем идет речь, однако помолвкой тут и не пахло. Отчасти из-за того, что пересуды уже превращались чуть ли не в официальное оглашение предстоящей свадьбы, я и переехал на Восток. Не мог же я разорвать отношения с давней знакомой из-за одних только слухов, а с другой стороны, и не желал, чтобы слухи довели меня до женитьбы.

Интерес, который проявили ко мне Дэйзи и Том, пожалуй, тронул меня, сократив созданное богатством расстояние между нами, – тем не менее, покидая их особняк, я испытывал и замешательство, и легкое отвращение. Мне представлялось, что самое правильное для Дэйзи – поскорее бежать из дома, прихватив с собой ребенка, но, по-видимому, она такого намерения не питала. Что касается Тома, то обстоятельство, что он «завел в Нью-Йорке какую-то женщину», казалось мне, по правде сказать, менее удивительным, чем внушенное ему какой-то книгой мрачное состояние духа. Что-то заставляло Тома кормиться крохами замшелых идей, – похоже, рожденному телесной крепостью самомнению больше не удавалось напитывать его властную душу.

От крыш придорожных баров и от заправочных станций, перед которыми красовались в лужицах света новенькие красные бензоколонки, уже тянуло совершенно летним теплом, и я, достигнув моего поместья на Уэст-Эгг, загнал машину под отведенный ей навес и посидел немного на брошенном посреди двора трамбовочном катке. Ветер выдохся,

оставив после себя звучную, яркую ночь с биением крыльев в кронах деревьев и ровным органным гудением: казалось, что полные воздуха мехи земли нагнетают его в гортани полных жизни лягушек. Силуэт вышедшей на прогулку кошки волнообразно проплыл мимо меня в свете луны, и, поглядев ей вслед, я обнаружил, что не одинок, – какой-то мужчина выступил футах в пятидесяти от меня из тени соседского особняка и остановился, держа руки в карманах и вглядываясь в серебристую россыпь звезд. Неторопливость его движений, уверенность, с которой попирали лужайку его туфли, навели меня на мысль, что передо мной сам мистер Гэтсби, пожелавший выяснить, какая часть здешних небес принадлежит лично ему.

Я решил окликнуть его. Мисс Бейкер упомянула о нем за обедом, для знакомства этого хватит. Но не окликнул, поскольку он дал вдруг понять, что одиночество по душе ему, – протянул странноватым движением руки к темной воде и даже при том расстоянии, что разделяло нас, я готов был поклясться, что он дрожит. Невольно взглянув на море, я не увидели ничего, кроме единственного зеленого огонька, крошечного, далекого, это мог быть фонарь на краю причала. Когда же я опять повернулся к Гэтсби, тот исчез, я снова остался один в беспокойной тьме.

Глава вторая

Примерно на середине пути от Уэст-Эгг до Нью-Йорка шоссе торопливо приникает к железной дороге и на протяжении четверти мили бежит вдоль рельсов, словно сторонясь безотрадной местности. Это долина праха – умопомрачительное уголье, где прах прорастает подобно пшенице, образуя холмы, хребты и причудливые парки, обретает обличья домов, и дымоходов, и валящего из них дыма, и наконец, после немыслимого напряжения сил – людей, смутно перемещающихся, крошащихся в рассыпчатом воздухе. Время от времени череда серых автомобилей³ выползает там на невидимую дорогу и, испустив призрачный стон, замирает, и к ней немедля стекается рой пепельно-серых людей с тяжелыми лопатами и всколыхивает непроницаемую пелену, скрывающую от взоров их темные труды.

Однако спустя всего только миг вы различаете поверх этой серой земли – в спазмах нескончаемо плывущей над ней унылой пыли – глаза доктора Т. Дж. Экклебурга. Глаза у доктора Т. Дж. Экклебурга синие, великанские – райки их имеют в высоту целый ярд. Лица за ними нет, они смотрят сквозь огромные желтоватые очки, сидящие на несуществующем носу. Должно быть, некий оголтелый остряк-окулист водрузил их здесь, чтобы оживить свою практику в Куинсе,

³ См. рассказ А. Грина «Серый автомобиль».

а сам погрузился в вечную слепоту – или переехал куда-то, забыв о них. Глазам же, слегка потускневшим, оттого что их не подкрашивали в течение многих дождливых и солнечных дней, осталось лишь вглядываться в мрачную свалку.

Одну из границ долины праха образует грязная речушка, и когда разводной мост над ней поднимают, чтобы пропустить барки, пассажиры остановившихся в ожидании поездов получают возможность созерцать унылый пейзаж порой и полчаса кряду. Поезда здесь встают непременно, самое малое на минуту, вследствие чего я и познакомился с любовницей Тома Бьюкенена.

Сам факт ее существования с упорством выставлялся им напоказ, куда бы он ни приходил. Знакомых Тома возмущало его обыкновение приводить эту женщину в какой-нибудь модный ресторан, а там оставлять за столиком и бродить по залу, заговаривая с ними. Мне было любопытно посмотреть на нее, однако сводить с ней знакомство я не собирался – и все-таки свел. Как-то после полудня я поездом отправился с Томом в Нью-Йорк и, когда мы остановились среди шлаковых отвалов, он вдруг вскочил, ухватил меня за локоть и буквально выволок из вагона.

– Сходим! – повелительно объявил он. – Я хочу познакомиться тебя с моей девушкой.

Думаю, во время ленча Том основательно заложил за воротник, отчего его решимость увлечь меня за собой отдавала насилием. Он явно исходил из надменного предположения,

что лучшего занятия мне в послеполуденные воскресные часы все равно не найти.

Я перелез вслед за ним через низкую беленую ограду железнодорожных путей, и под неотвязным взором доктора Эклебурга мы прошагали вдоль них вспять около сотни ярдов. На краю сорной пустоши притулился квартал желтых кирпичных зданий, рассеченный подобием Главной улицы – коротенькая, она, прислужившись ему, удалялась в полную пустоту. Из трех здешних заведений одно сдавалось в аренду; вторым был ночной ресторанчик, к которому вела шлаковая дорожка; а третьим мастерская – «Ремонт. ДЖОРДЖ Б. УИЛСОН. Покупка и продажа автомобилей», – в нее мы и вошли.

Внутри она выглядела далеко не процветающей, голой; единственным в ней автомобилем был запыленный, наполовину развалившийся «Форд», грузно стоявший в темном углу. Мне подумалось, что этот призрак мастерской сооружен для отвода глаз, а где-то наверху кроется роскошное, романтическое жилище, но тут из двери конторы вышел, вытирая куском ветоши руки, ее хозяин. То был светловолосый, бесцветный мужчина, худосочный и – с большими оговорками – привлекательный. Когда он увидел нас, в его светло-голубых глазах засветился унылый проблеск надежды.

– Здорово, Уилсон, старина, – сказал Том, жизнерадостно хлопнув его по плечу. – Как дела?

– Грех жаловаться, – небедительно ответил Уилсон. –

Так когда же вы продадите мне ту машину?

— На следующей неделе; сейчас ее приводит в порядок мой человек.

— Уж больно долго он возится, не думаете?

— Не думаю, — холодно обронил Том. — Но если вы недовольны, может, мне все же лучше продать ее кому-то другому?

— Я не это имел в виду, — поспешил оправдаться Уилсон. — Я просто...

Он примолк, Том окинул мастерскую нетерпеливым взглядом. И тут до меня донесся с лестницы звук шагов, а мгновение спустя свет, лившийся из конторской двери, заслонила полноватая женщина. Тридцати с чем-то лет, немного слишком дородная, она несла избыток плоти с чувственностью, доступной лишь немногим представительницам ее пола. Лицо над платьем из темно-синего в горошек крепдешина, никаких признаков или отблесков красоты не являло, однако в нем мгновенно ощущалась жизненная сила, словно сжигавшая каждый нерв ее тела. Медленно улыбнувшись, она прошла, казалось, сквозь мужа, как если бы тот был призраком, протянула руку Тому, глядя ему прямо в глаза. А затем облизнула губы и, не оборачиваясь, сказала мужу голосом мягким и хрипловатым:

— Почему бы тебе не принести стулья, может, кто-нибудь присесть захочет.

— Да, конечно, — торопливо согласился Уилсон и напра-

вился к маленькой конторе, мгновенно слившись с цементного цвета стенами. Пелена белой пепельной пыли занавесила его темный костюм и светлые волосы, как занавешивала здесь все, – кроме жены Уилсона, подступившей поближе к Тому.

– Я хочу побыть с тобой, – отчетливо произнес он. – По-едем следующим поездом.

– Хорошо.

– Встретимся у газетного киоска на нижней платформе.

Она кивнула и отступила от него – как раз в тот миг, когда из двери конторы появился несший два стула Джордж Уилсон.

Мы ожидали ее у дороги, там, где нас невозможно было увидеть от мастерской. До Четвертого июля оставалось лишь несколько дней, и серый, тощий итальянский мальчишка рядом расставлял вдоль рельсов петарды.

– Кошмарное место, верно? – сказал Том, обменявшись с доктором Эккебургом неодобрительными взглядами.

– Жуткое.

– Ей полезно лишний раз выбраться отсюда.

– Муж возражать не станет?

– Уилсон? Он думает, что она ездит в Нью-Йорк, чтобы повидаться с сестрой. Такой болван, что и помрет – ничего не заметит.

Вот так Том Бьюкенен, его любовница и я вместе отправились в Нью-Йорк – не совсем вместе, поскольку миссис

Уилсон осмотрительно устроилась в другом вагоне. Том согласился на эту уступку щепетильности тех обитателей Восточного Яйца, какие могли объявиться в поезде.

Она переделалась, теперь на ней было платье из коричневого узорчатого муслина, который туго обтянул ее широковатые бедра, когда в Нью-Йорке Том помогал ей спуститься на перрон. Остановившись у газетного киоска, она купила номера «Городской сплетни» и фильмового журнала, а в вокзальной аптеке – немного кольдкрема и флакончик духов. Наверху, в отзывающемся торжественным эхо зале, куда заезжают машины, она забраковала четыре такси, прежде чем остановить свой выбор на новеньком, лавандового цвета, с серой обшивкой сидений, – в нем мы наконец выплыли из громады вокзала под яркий солнечный свет. Впрочем, миссис Уилсон сразу же резко отвернулась от окна и, наклонившись вперед, постучала по ветровому стеклу.

– Хочу одну из вон тех собак, – напористо объявила она. – Для квартиры. Они такие милые – собаки.

Машина сдала назад, к седому старику, обладавшему нелепым сходством с Джоном Д. Рокфеллером. В свисавшей с его шеи корзине жались друг к дружке новорожденные щенки неопределимой породы, их было там около дюжины.

– Какая это порода? – нетерпеливо спросила миссис Уилсон, как только он подошел к окну.

– Всякие тут. Вы какую хотите, леди?

– Мне нравятся овчарки, как у полиции. У вас такой, на-

верное, нет?

Старик с сомнением заглянул в корзину, окунул в нее руку и за загибок вытащил извивавшегося щенка.

– Это не овчарка, – сказал Том.

– Да, не совсем, – огорченно согласился старик. – Скорее, эрдель.

Он провел ладонью по курчавой, как мочалка, спинке щенка.

– Вы на шерсть его посмотрите. Какая шерсть! Этот пес простуду не схватит, никаких с ним хлопот.

– По-моему, она миленькая, – пылко заявила миссис Уилсон. – Сколько стоит?

– Этот? – Старик с обожанием поглядел на щенка. – Этот обойдется вам в десять долларов.

Щенок – эрдель, несомненно, принял участие в его появлении на свет, хотя лапки малыша отливали разительной белизной, – перешел из рук в руки и устроился на коленях миссис Уилсон, которая с восторгом принялась гладить антипростудную шерстку.

– Это мальчик или девочка? – деликатно осведомилась она.

– Песик-то? Мальчик.

– Сука это, – решительно объявил Том. – Вот ваши деньги. Можете купить на них еще десяток собак.

Мы ехали по Пятой авеню, такой теплой, тихой, почти буколической летним воскресным днем – я не удивился бы,

увидев за ближайшим углом большую отару белых овец.

– Остановите, – попросил я, – мне нужно выйти здесь.

– Ничего тебе не нужно, – поспешил возразить Том. – Мертл обидится, если ты не заглянешь в ее квартиру. Правда, Мертл?

– Поедьте с нами, – попросила она. – Я позвоню моей сестре, Кэтрин. Знающие люди называют ее красавицей.

– Да я бы с удовольствием, но...

И мы поехали дальше и снова пересекли Парк-авеню, направляясь к Западным Сотым улицам. На 158-й машина остановилась у одного из ломтей большого белого торта, образованного многоквартирными домами. Окинув окрестности взглядом вернувшейся восвояси королевы, миссис Уилсон взяла под мышку щенка, собрала остальные свои покупки и надменно вступила в дом.

– Я попрошу Мак-Ки подняться к нам, – объявила она в лифте. – И, конечно, сестре позвоню.

Квартира находилась в верхнем этаже – маленькая гостиная, маленькая столовая, маленькая спальня и ванная комната. Гостиная оказалась заставленной до самых дверей великоватой для нее мебелью в гобеленовой обивке, отчего, перемещаясь по ней, я то и дело наталкивался на гулявших по садам Версаля дам. Единственной украшавшей ее стены картинкой была чрезмерно увеличенная фотография, которая изображала на первый взгляд курицу, сидевшую на расплывчатой скале. Впрочем, если отойти подальше, курица

обращалась в шляпку, а скала – в лицо дородной пожилой женщины, с улыбкой глядевшей в комнату. На столе лежали два старых номера «Городской сплетни», роман «Симон, называемый Петром»⁴ и несколько желтых бродвейских журнальчиков. Первым делом миссис Уилсон занялась щенком. Лифтер без большой охоты отправился за набитым соломой ящиком и молоком, к коему он по собственному почину добавил жестянку больших, жестких собачьих галет – одна из них до самой ночи апатично раскисала в блюде с молоком. Тем временем Том отпер бюро и вытащил из него бутылку виски.

За всю мою жизнь я напивался всего лишь два раза, и второй пришелся на тот вечер, поэтому все, что происходило тогда, затянулось тусклым туманом, хоть до восьми вечера квартиру и заливал веселый солнечный свет. Миссис Уилсон кому-то звонила, сидя на коленях Тома; затем выяснилось, что у нас закончились сигареты, и я сходил за ними в аптеку на углу. Вернувшись, я обнаружил, что миссис Уилсон и Том куда-то исчезли, и потому рассудительно посидел в гостиной, успев прочесть главу «Симона, называемого Петром», – либо роман был ужасен, либо виски извратило все мной прочитанное, потому что никакого смысла я в нем не усмотрел.

Едва вернулись Том и Мертл, – после первой порции

⁴ «Симон, называемый Петром» – роман Роберта Кибла (1921) о сложившейся на фронте любовной паре – священнике и медсестре.

спиртного мы с миссис Уилсон перешли на «ты», – в квартиру стали сходить гости.

Сестра, Кэтрин, оказалась стройной, искушенной женщиной примерно тридцати лет, с густыми и колючими, коротко подстриженными рыжими волосами и напудренной до молочной белизны кожей. Брови она выщипывала и прорисовывала заново под более бесшабашным углом, однако природа норовила восстановить прежнюю линию их строя, отчего лицо Кэтрин словно размывалось. Движения ее сопровождались непрерывным побрякиванием несчетных керамических браслетов, которые перекликались на ее руках сверху вниз и снизу вверх. В квартиру она вошла с такой хозяйской поспешностью и пробежалась по мебели взглядом столь собственническим, что я погадал, не живет ли она здесь. Впрочем, когда я спросил ее об этом, она безудержно расхохоталась, громко повторила мой вопрос и сказала, что живет с подружкой в отеле.

Мистер Мак-Ки, сосед снизу, был бледным, женственным мужчиной. Только что побрившийся – на скуле его осталось белое пятнышко пены, – он приветствовал всех, кого увидел в гостиной, с чрезвычайной учтивостью. Мне мистер Мак-Ки отрекомендовался как человек, подвизающийся на «художественном поприще», а несколько позже я узнал, что он фотограф – увеличенная тусклая матушка миссис Уилсон, парившая подобно мистической эктоплазме над комнатой, была делом его рук. Супруга мистера Мак-Ки обладала

пронзительным голосом, но особой была томной, привлекательной и противной. Она с гордостью сообщила мне, что за время супружества муж сфотографировал ее сто двадцать семь раз.

Миссис Уилсон успела сменить наряд на замысловатое вечернее платье из кремового шифона, сопровождавшее непрерывным шелестом ее перемещения по гостиной. Под воздействием платья претерпела изменения и ее повадка. Бьющая через край жизненная сила, столь поразившая меня в автомобильной мастерской, преобразовалась во внушительное высокомерие. Ее смех, жесты, высказывания обретали что ни миг нарочитость все более истовую, она словно разрасталась, а комната вокруг нее съеживалась, пока не стало казаться, что миссис Уилсон вращается в дымном воздухе на шумной, скрипучей оси.

– Дорогая, – крикнула она сестре голосом тонким и жеманным, – большая часть этой публики только и знает, что дурит нас. Ни о чем, кроме денег, они не думают. На прошлой неделе сюда приходила женщина, которая занимается моими ступнями, так я, увидев ее счет, решила, что она мне заодно и аппендикс вырезала.

– Как ее звали? – спросила миссис Мак-Ки.

– Миссис Эберхард. Она ухаживает за ногами людей прямо на дому.

– Мне нравится ваше платье, – сообщила миссис Мак-Ки. – По-моему, оно восхитительно.

Миссис Уилсон отвергла комплимент, презрительно приподняв бровь.

– Просто дурацкое старое тряпье, – сказала она. – Я надеваю его, когда мне все равно, как выглядеть.

– Однако, должна сказать, смотрите вы в нем превосходно, – стояла на своем миссис Мак-Ки. – Если бы Честеру удалось поймать вас в такой, как сейчас, позе, он, пожалуй, смог бы кое-что из вас сделать.

Все мы молча уставились на миссис Уилсон, а она, отведя с глаз прядь волос, с сияющей улыбкой воззрилась на нас. Мистер Мак-Ки внимательно изучил ее, несколько склонив голову набок, потом медленно повел ладонями взад-вперед перед своим лицом.

– Я бы изменил освещение, – сказал он, помолчав. – Мне нравится выявлять черты лица. И волосы распустил бы.

– А я бы и не подумала менять свет, – воскликнула миссис Мак-Ки. – По-моему, это...

Муж ответил ей: «Чш!», и мы снова оглядели предмет их разговора, после чего Том Бьюкенен звучно зевнул и поднялся на ноги.

– Вам, Мак-Ки, нужно что-нибудь выпить, – сказал он. – Принеси еще льда и минеральной, Мертл, пока все не заснуло.

– Говорила же я этому олуху про лед! – Мертл возвела брови: беспомощность представителей низших классов явно выводила ее из себя. – Что за люди! Все по два раза повто-

рять приходится.

Она взглянула на меня, бессмысленно усмехнулась. Затем подскочила к щенку, восторженно поцеловала его и поплыла на кухню, всем своим видом показывая, что там ожидает ее указаний десяток поваров.

– Я сделал на Лонг-Айленде несколько хороших работ, – сообщил мистер Мак-Ки.

Том обратился к нему равнодушный взгляд.

– Парочку мы обрамили и повесили внизу.

– Парочку чего? – надменно осведомился Том.

– Этюдов. Один я назвал «Монток-Пойнт. Чайки», другой – «Монток-Пойнт. Море».

Сестра Кэтрин опустилась рядом со мной на кушетку.

– Вы тоже на Лонг-Айленде живете? – спросила она.

– На Уэст-Эгг.

– Правда? С месяц назад я была там на приеме. У человека по фамилии Гэтсби. Знаете его?

– Живу с ним бок о бок.

– Говорят, он не то племянник, не то кузен кайзера Вильгельма. Потому у него и денег куры не клюют.

– Да неужели?

Она кивнула.

– Я его побаиваюсь. Не хотела бы, чтобы он заимел на меня зуб.

Этот поток увлекательных сведений оборвала миссис Мак-Ки, внезапно ткнув пальцем в Кэтрин.

– Честер, по-моему, ты смог бы сделать что-нибудь из нее, – выпалила она, однако мистер Мак-Ки лишь скучливо кивнул и вновь обратился к Тому:

– С удовольствием поработал бы на Лонг-Айленде еще, если бы мне позволили. Я ведь прошу лишь об одном – дайте мне показать себя.

– Обратитесь к Мертл, – ответил, коротко рассмеявшись, Том, и тут в гостиную вошла с подносом миссис Уилсон. – Ты ведь дашь ему рекомендательное письмо, верно, Мертл?

– Дам что? – ошеломленно переспросила она.

– Дашь мистеру Мак-Ки рекомендательное письмо к мужу, чтобы он сделал с него этюды? – С миг Том молча шевелил губами, придумывая продолжение. – «Джордж Б. Уилсон у бензоколонки» – что-нибудь в этом роде.

Кэтрин, наклонившись, прошептала мне на ухо:

– Каждый из них терпеть не может свою половину.

– Не может?

– Терпеть не может. – Она взглянула на Мертл, потом на Тома. – Я всегда говорю: зачем жить с ними, если вы их терпеть не можете? Я бы на вашем месте вмиг получила по разводу и поженилась.

– Но разве она не любит Уилсона?

Ответ оказался неожиданным. Дала его Мертл, до ушей которой донесся мой вопрос, и ответ этот был яростным и непристойным.

– Вот видите? – торжествующе воскликнула Кэтрин. И

снова понизила голос: – На самом-то деле им мешает соединиться его жена. Она католичка, а католикам разводиться не положено.

Дэйзи вовсе не была католичкой, и изощренность этой лжи несколько ошеломила меня.

– Поженившись, – продолжала Кэтрин, – они уедут на Запад и проживут там, пока не уляжется шум.

– Благоразумнее было бы уехать в Европу.

– О, так вам нравится Европа? – удивленно вскричала она. – Я совсем недавно вернулась из Монте-Карло.

– Вот как?

– В прошлом году. Ездила туда с одной девушкой.

– И надолго?

– Да нет, мы просто доехали до Монте-Карло и вернулись. Через Марсель. У нас было двенадцать сотен долларов, но тамошнее жулье за два дня обчистило нас в отдельных кабинетах игорных домов. Как мы назад добирались, это отдельный кошмар. Господи, до чего же я ненавижу этот город!

На миг предвечернее небо разукрасилось за окном медовой синевой Средиземноморья, – а затем пронзительный голос миссис Мак-Ки вернул меня в гостиную.

– Я тоже чуть не совершила ошибку, – напористо сообщила она. – Едва не вышла за жидка, который несколько лет ухлестывал за мной. Я понимала, что он мне не пара. Все говорили мне и по многу раз: «Люсиль, он же совсем не ровня тебе!» Но если бы я не встретила Честера, он бы наверняка

меня получил.

– Да, но, знаете ли, – сказала, кивая, Мертл Уилсон, – по крайней мере, вы за него не вышли.

– Знаю, что не вышла.

– Вот, а я за него вышла, – двусмысленно объявила Мертл. – В этом-то и разница между вами и мной.

– А зачем вышла-то, Мертл? – спросила Кэтрин. – Никто же тебя не заставлял.

Мертл задумалась.

– Вышла, потому что считала его джентльменом, – в конце концов ответила она. – Думала, у него хоть какие-то понятия о приличных манерах есть, а он и мизинца моего не стоил.

– Одно время ты по нему с ума сходила, – заметила Кэтрин.

– Я, по нему! – воскликнула Мертл, словно не поверив своим ушам. – Кто это сказал, что я сходила по нему с ума? Ничуть не больше, чем вот по этому мужчине.

И она вдруг ткнула пальцем в меня, и все обратили ко мне осуждающие взоры. Я же постарался придать моему лицу выражение, говорящее, что я ни малейшего отношения к прошлому ее не имею.

– Я сошла с ума всего один раз – когда согласилась выйти за него. И мигом поняла, что ошиблась. Для свадьбы он занял у какого-то приятеля его лучший костюм, а мне об этом ничего не сказал, и в один прекрасный день, когда Джорджа не было дома, тот мужик заявился к нам за костюмом. – Она

повела взглядом вокруг, пытаясь понять, кто из нас ее слушает. — «Ах, это ваш костюм? — сказала я. — Впервые об этом слышу». Но, конечно, костюм отдала, а потом повалилась на кровать и ревела до самой ночи так, что стены тряслись.

— Ей и вправду лучше бы бросить его, — повернувшись ко мне, подвела итог Кэтрин. — Они уж одиннадцать лет над той мастерской живут. А Том — первый дружок за всю ее жизнь.

К этому времени бутылка виски, вторая, уже стала пользоваться серьезным спросом — у всех, кроме Кэтрин, сказавшей, что ей «и так хорошо». Том звонком вызвал швейцара и отправил его за некими знаменитыми сэндвичами, которые сами по себе были отменным ужином. Мне хотелось покинуть квартиру, пойти в мягком сумраке на восток, к парку, но всякий раз, пытаясь проделать это, я увязал в каком-нибудь бурном, крикливом споре и он, словно веревкой, утягивал меня назад в кресло. И все-таки желто горевшая высоко над городом череда наших окон наверняка вносила свой вклад в совокупность людских тайн, томившую случайного созерцателя этого света, а я был и им тоже, глядящим вверх, теряющимся в догадках. Я находился внутри и вовне, и неисчерпаемое разнообразие жизни одновременно и обвораживало и отвращало меня.

Мертл пододвинула свое кресло к моему, и неожиданно ее теплое дыхание оваяло меня историей их с Томом знакомства.

— Мы сидели лицом друг к другу на коротеньких скамей-

ках, которые до последнего остаются в вагоне свободными. Я ехала в Нью-Йорк повидать сестру и заночевать у нее. А он был во фраке, в лакированных туфлях, я глаз от него отвести не могла, но каждый раз, как он поглядывал на меня, притворялась, будто разглядываю висевшее над его головой рекламное объявление. Когда мы уже выходили из вагона, он оказался рядом со мной, и белая грудь его рубашки прижалась к моей руке, и я сказала ему, что мне придется позвать полицейского, но он знал, что я вру. Я так разволновалась, что, садясь с ним в такси, едва понимала, что это машина, а не вагон подземки. А в голове у меня вертелось только одно, снова и снова: «Живем только раз, живем только раз».

Тут она повернулась к миссис Мак-Ки и наполнила гостиную звонким наигранным смехом.

– Дорогая, – крикнула она, – я подарю вам это платье, как только вылезу из него. Завтра новое куплю. Но сначала составлю список всего, что я должна переделать – побывать у массажистки, завиться, купить собачий ошейник, и еще хитрую пепельницу с пружинкой, и венок с черным шелковым бантом на мамину могилу, такой, чтобы его на все лето хватило. Да, придется составить список, не то я что-нибудь непременно забуду.

Было девять часов, – однако, когда я почти сразу за тем посмотрел на часы, выяснилось, что уже десять. Мистер Мак-Ки спал в кресле, уложив стиснутые кулаки на колени – ни дать ни взять фотография человека, переделавшего мно-

жество дел. Я вытащил носовой платок и стер с его щеки пятнышко засохшей пены, которое весь вечер не давало мне покоя.

Песик сидел на столе, вглядываясь полуслепыми глазами в табачный дым и время от времени тихо постанывая. Люди исчезали, появлялись снова, договаривались пойти куда-то, потом теряли друг дружку из виду, принимались искать и находили в нескольких футах от себя. Ближе к полуночи Том Бьюкенен с миссис Уилсон стояли лицом к лицу и яростно спорили о том, имеет ли она хоть какое-то право произносить имя Дэйзи.

– Дэйзи! Дэйзи! Дэйзи! – прокричала миссис Уилсон. – Когда захочу, тогда и скажу! Дэйзи! Дэй...

И Том Бьюкенен коротким умелым ударом открытой ладони расквасил ей нос.

Окровавленные полотенца на полу ванной комнаты, бранчливые женские голоса, перекрывающий их долгий, прерывистый вопль боли. Мистер Мак-Ки пробудился от дремоты и ошалело направился к двери. На полпути к ней он обернулся и обозрел всю картину – свою жену и Кэтрин, сновавших среди теснящейся мебели туда и сюда с бинтами и ватой, выкрикивая слова брани и утешения; в отчаянии распластавшуюся по кушетке окровавленную женщину, пытавшуюся прикрыть гобеленные сцены Версаля номерами «Городской сплетни». Затем мистер Мак-Ки повернулся и продолжил шествие к двери. Я, сняв с канделябра мою шля-

пу, последовал за ним.

– Давайте как-нибудь позавтракаем вместе, – предложил он, пока мы спускались в стонущем лифте.

– Где?

– Да где угодно.

– Рычаг не трогайте, – рявкнул лифтер.

– Прошу прощения, – с достоинством ответил мистер Мак-Ки. – Я и не заметил, как коснулся его.

– Ладно, – согласился я, – с удовольствием.

...Я стоял у кровати, он сидел на ней с большой, содержавшей его работы папкой в руках – сидел в одном нижнем белье, накинув на плечи одеяло.

– «Красавица и чудовище»... «Одиночество»... «Старая лошадь бакалейщика»... «Бруклинский мост»...

А потом я лежал в полудреме на скамье холодной нижней платформы Пенсильванского вокзала, таращился на утренний выпуск «Трибюн» и ждал четырехчасового поезда.

Глава третья

Летними ночами из поместья моего соседа неслась музыка. В синеве его парка мужчины и женщины появлялись и скрывались из глаз и кружили, словно мотыльки, среди шепотов, шампанского и звезд. После полудня, в часы прилива, я смотрел, как его гости ныряют с сооруженной на плоту вышки или загорают на горячем песке пляжа, как два его катера рассекают воду Пролива, а за ними летят, поднимая фонтаны пены, аквапланы. По уик-эндам его «Роллс-Ройс» обращался в омнибус, доставлявший ватаги гостей из города и в город – начиналось это в девять утра и продолжалось далеко за полночь, – и принадлежавший ему моторный фургон бегал, словно шустрый желтый жук, встречая все поезда подряд. А в понедельник восемь слуг и приходящий садовник в их числе трудились с утра до вечера, орудуя швабрами, щетками, молотками и садовыми ножницами, устраняя следы разора, учиненного ночными гостями.

Каждую пятницу нью-йоркский фруктовщик доставлял в дом пять корзин апельсинов и лимонов – и каждый понедельник эти же апельсины и лимоны, обратившиеся в пирамиды лишенных мякоти полушарий, покидали дом через заднюю дверь. На кухне его стояла машинка, способная за полчаса выжать сок из двухсот апельсинов – при условии, что слуга двести раз придавит на ней большим пальцем кно-

почку.

Не реже чем раз в две недели некая обслуживавшая банкеты и тому подобное фирма присылала в поместье своих людей, и они привозили сотни ярдов брезента и разноцветные лампочки в количествах, достаточных для того, чтобы превратить огромный парк Гэтсби в рождественскую елку. Буфетные стойки украшались поблескивавшими закусками, пряная буженина теснилась на них среди многоцветных, как арлекины, салатов, и запеченных в слоеном тесте сарделек, и каким-то волшебством обращенных в слитки темного золота индеек. В главной зале особняка воздвигалась барная стойка с настоящей медной подставкой для ног, и стену за ней заполняли бутылки джина самых разных сортов, и вин, и наливок, позабытых уже так давно, что гости в большинстве своем оказывались слишком молодыми, чтобы определить разницу между одной и другой.

К семи часам появляется оркестр – не горстка из пяти музыкантов, но столько гобоев, тромбонов, саксофонов, альтов, корнетов, пикколо и барабанов, больших и малых, что ими можно заполнить оркестровую яму. Последние пловцы подтягиваются с пляжа и переодеваются наверху; на автостоянке выстраиваются в пять рядов машины из Нью-Йорка, а залы, салоны и веранды уже разукрашиваются основными цветами, и странными стрижками на новейший манер, и шальями, о которых Кастилия может только мечтать. Бар работает в полную силу, флотилии коктейлей vyplывают в парк,

и наконец воздух его наполняется говором, смехом, мимоходными двусмысленностями, звуками забываемых не сходя с места знакомств и восторженными вскриками дам, встречающих подружек, имен которых они никогда не знали.

Земля, накреньясь, отворачивает от солнца, свет лампочек становится ярче, оркестр уже наигрывает легкую, не требующую, чтобы ее слушали, музыку, а опера голосов звучит тоном выше. Смех с каждой минутой становится все беззаботнее, рассыпается все расточительнее, выплескиваясь в радостный мир. Стайки гостей изменяются все быстрее, их пополняют новоприбывшие, компании рассыпаются и составляются на одном дыхании, и уже появляются блуждающие звезды – уверенные в себе девушки, что снуют здесь и там между женщин более дородных и устойчивых, и становятся на отчетливый, радостный миг центром какой-либо компании, и сразу покидают ее, триумфально скользя среди переменчивых лиц, голосов, красок под постоянно меняющимся светом.

Неожиданно одна из этих цыганочек в трепещущем на ней опаловом платье выхватывает из воздуха коктейль, залпом выпивает его для храбрости и, поводя руками, как Фриско⁵, принимается танцевать на обтянутом брезентом помосте. Мгновенная тишь; дирижер услужливо приноравливает к ней ритм оркестра; новый всплеск суесловия, распростра-

⁵ Джо Фриско (1889–1958) – американский водевильный актер, начинавший как танцор джаза.

няющий ложную весть: она – дублерша Гильды Грей⁶ из «Варьете». Прием начался.

Я почти уверен, что при первом посещении этого дома я был одним из очень немногих гостей, действительно туда приглашенных. Гости в поместье не звали – они приезжали сами. Садились в автомобили, и те несли их по Лонг-Айленду и почему-то останавливались у дверей Гэтсби. А когда гости оказывались в доме, кто-нибудь, знавший хозяина, представлял их, и затем они следовали нормам поведения, принятым в развлекательных парках. Временами же прибывали и убывали, Гэтсби так и не повидав, – просто заявлялись на его приемы в простоте сердечной, которая сама по себе была их входным билетом.

Но я получил настоящее приглашение. Одним ранним субботним утром шофер в голубой, точно яйцо дрозда, униформе пересек мою лужайку и вручил мне на удивление чопорную записку его хозяина: я окажу Гэтсби большую честь, говорилось в ней, если приду этой ночью на его «небольшую вечеринку». Он несколько раз видел меня и давно уж намеревался навестить, однако странные стечения обстоятельств препятствовали этому – подписано размашисто и величаво: «Джей Гэтсби».

После семи вечера я, облачившись в белую фланель, при-

⁶ Гильда Грей (1901–1959) – сценический псевдоним Марианны Михальска, водевильной танцовщицы, которой обязан своей популярностью танец «шимми». С 1922 г. выступала на Бродвее в серии постановок под названием «Варьете Зигфрида».

шел на его лужайку и стал бродить, ощущая некоторую неловкость, по парку, среди водоворотов и завихрений толпы, в которой никого не знал, — хоть время от времени мне и попадались лица, уже замеченные мною в пригородном поезде. Меня сразу поразило обилие молодых англичан; все как один элегантные, все с голодным блеском в глазах и все беседующие, негромко и серьезно, с плотными преуспевающими американцами. Я не сомневался, что каждый из них норовил что-то продать: облигации, страховки, автомобили. Как бы там ни было, они мучительно сознавали, что совсем рядом, только руку протяни, рассыпаны шальные деньги, и не сомневались: довольно будет произнести несколько правильно подобранных слов, и деньги эти достанутся им.

Едва придя туда, я попытался найти хозяина дома, однако двое-трое людей, у которых я спрашивал о его местонахождении, смотрели на меня с таким изумлением и с таким пылом отрицали наличие у них сведений о его перемещениях, что я побрел к уставленному коктейлями столу, единственному в парке месту, где одинокий мужчина мог мешкать, не производя впечатление праздношатающегося нелюдима.

Я был уже близок к тому, чтобы из одного только смущения напиться в стельку, когда из дома вышла и остановилась сверху марша мраморных ступеней, чуть отклонившись назад и с презрительным интересом оглядывая парк, Джордан Бейкер.

Обрадуется она, увидев меня, или нет, я не ведал, но мне

представлялось необходимым прилепиться к кому-нибудь, пока я еще не начал приставать с задумчивыми разговорами к проходящим мимо меня людям.

– Здравствуйте! – завопил я, направляясь к ней. Собственный голос показался мне ненатурально громким, слышным во всех уголках парка.

– Так и думала, что встречу вас здесь, – равнодушно заметила она, когда я приблизился. – Помнила, что вы живете бок о бок с...

Она бесстрастно взяла меня за руку, словно пообещав заняться мною через минуту, и повернулась к двум девушкам в одинаковых желтых платьях, остановившимся у подножия лестницы.

– Привет! – единогласно прокричали они. – Как жаль, что вы не победили.

Речь шла о гольфовом турнире. Неделю назад Джордан проиграла его финал.

– Вы нас не помните, – сказала одна из девушек в желтом, – но мы познакомились с вами здесь примерно месяц назад.

– С тех пор вы перекрасились, – отметила Джордан, и я немного смутился, однако девушки уже двинулись дальше, словно забыв о ней, а замечание ее оказалось обращенным к слегка недозрелой луне, несомненно, привезенной сюда, как и ужин, поставщиками закусок. Нежная золотистая рука Джордан так и осталась в моей, мы спустились по ступеням и

неторопливо пошли парком. Из сумерек на нас выплыл поднос с коктейлями, и мы присели за стол, уже приютивший двух девушек в желтом и троицу мужчин, каждый из которых представился нам как мистер Бурбурбур.

– Часто вы бываете на этих приемах? – осведомилась Джордан у ближней к ней девушки.

– В последний раз была, когда познакомилась с вами, – живо и уверенно ответила та. И повернулась к своей спутнице: – Ты ведь тоже, Люсиль?

Да, Люсиль тоже.

– Мне тут нравится, – сказала Люсиль. – На что тратить время, мне все равно, ну я и живу в свое удовольствие. Последний раз порвала тут о стул платье, так Гэтсби записал мое имя и адрес, а через неделю я получила из «Круарье» большой пакет с вечерним платьем.

– Вы его не вернули? – спросила Джордан.

– Конечно нет. Собралась надеть сегодня, да оно оказалось широковатым в груди, придется зауживать. Потрясающе синее и расшито лавандовым бисером. Двести шестьдесят пять долларов.

– В человеке, который делает такое, есть что-то подозрительное, – с горячностью заявила вторая девушка. – Он старается ладить со *всеми*.

– Кто старается? – спросил я.

– Гэтсби. Мне говорили...

Девушки и Джордан заговорщицки сдвинули головы.

– Некоторые уверены, что он когда-то человека убил.

Нас проняла дрожь. Три мистера Бурбурбур вытянули к девушкам шеи, чтобы получше слышать.

– Ну, не думаю, что уж прямо до такого дошло, – скептически возразила Люсиль, – скорее верно, что он шпионил во время войны на немцев.

Один из мужчин утвердительно покивал.

– Я слышал об этом от человека, который знает его как облупленного, вырос с ним вместе в Германии, – уверенно объявил он.

– Да нет, – сказала первая девушка, – быть того не может, он же воевал в американской армии.

И, поняв, что овладела нашим вниманием, с энтузиазмом склонилась к нам:

– Вы приглядитесь к нему, когда он думает, что никто на него не смотрит. Поспорить могу – убил человека.

Она прищурилась и содрогнулась. Люсиль просто содрогнулась. Все мы заозирались по сторонам в поисках Гэтсби. Услышанное мной лишний раз показало, какие романтические толки он возбуждал, – на его счет шушукались даже те, кто мало усматривает в нашем мире причин для разговора вполголоса.

Наступило время первого ужина – второй ожидался после полуночи, – и Джордан предложила мне присоединиться к ее компании, которая занимала стол на другом краю парка. Компанию составляли три супружеские четы и кавалер

Джордан, настырный старшекурсник, питавший склонность к запальчивым колкостям и явно считавший, что рано или поздно Джордан придется в той либо иной мере отдаться ему на милость. Эти люди не болтали без складу и ладу, но сохраняли величавое единообразие, полагая своим долгом представлять здесь почтенную загородную аристократию – Ист-Эгг, снизошедшее до Уэст-Эгг, – и старательно гнушаясь калейдоскопическими увеселениями последнего.

– Уйдем, – прошептала мне Джордан после бессмысленного, потраченного нами впустую получаса. – Для меня они слишком благовоспитанны.

Мы встали, она объяснила, что нам необходимо отыскать хозяина дома, – я с ним еще не знаком, сказала Джордан, и оттого чувствую себя неловко. Старшекурсник покивал, цинично и меланхолично.

Бар, в который мы заглянули первым делом, был переполнен, но Гэтсби в нем отсутствовал. Мы поднялись по лестнице, Джордан окинула парк взглядом, однако и там его не обнаружила, не было Гэтсби и на террасе. Войдя в дом, мы наудачу открыли торжественного обличья дверь и оказались под высокими потолками готической библиотеки, обшитой резным английским дубом и, вероятно, целиком перевезенной сюда из каких-то заокеанских развалин.

На краешке огромного стола сидел пьяненький тучный джентльмен средних лет, с довольно шаткой сосредоточенностью разглядывавший сквозь огромные совиные очки

книжные полки. Когда мы вошли, он резко повернулся к нам, обозрел с головы до пят Джордан, а затем вызывающим тоном осведомился:

– Ну, что скажете?

– О чем?

Он махнул рукой в сторону полок.

– Об этом. На самом-то деле, можете не проверять, я уже проверил. Они настоящие.

– Книги?

Он кивнул.

– Совершенно настоящие – и страницы есть, и все прочее. Я думал, они из хорошего крепкого картона сделаны. А они, на самом-то деле, совершенно настоящие. Страницы и... постоит! Я вам покажу.

Считая, по-видимому, наш скептицизм само собой разумеющимся, он поспешил к полкам и вернулся с первым томом «Лекций» Стоддарда⁷.

– Смотрите! – торжествующе воскликнул он. – Самая настоящая типографская работа. А я-то, дурак, попался на удочку. Здешний малый – истинный Беласко⁸. Это шедевр.

⁷ Джон Лусон Стоддард (1850–1931) – американский писатель, разъезжавший по США с лекциями о своих путешествиях по свету, которые затем публиковались (всего получилось 11 томов). Любопытно, что его сын Теодор Лотроп Стоддард (1883–1950) написал книгу «Нарастающее сопротивление цветных мировому владычеству белой расы», на которую, собственно, и ссылается в 1-й главе Том.

⁸ Дэвид Беласко (1853–1931) – американский театральный деятель, прославив-

Какая тщательность! Какой реализм! Но и остановиться вовремя тоже умеет – страницы не разрезал. Ну да чего ж вы хотите? Чего от него ждать?

Он выдернул из моих рук книгу и торопливо вернул ее на место, пробормотав, что, если вынуть один кирпич, так, глядишь, вся библиотека обрушится.

– Вас кто привез? – спросил он. – Или вы сами приехали? Меня вот привезли. И бóльшую часть других тоже.

Джордан, смотревшая на него с веселой настороженностью, ничего не ответила.

– Меня привезла женщина по фамилии Рузвельт, – продолжал он. – Миссис Клод Рузвельт. Знаете такую? Я с ней прошлой ночью познакомился, не помню где. Я уж неделя как пью, вот и подумал: может, протрезвею, если в библиотеке посижу.

– И помогло?

– Да вроде помогло немного. Точно пока не скажешь. Я тут всего час провел. Насчет книг я вам говорил? Они настоящие. У них...

– Говорили.

Мы обменялись с ним чинными рукопожатиями и покинули дом.

Теперь на расстеленном в парке брезенте танцевали – старики толкали спинами вперед юных дев, описывая с ними бесконечные тяжеловесные круги; пары более умелые изви-

листо прижимались друг к дружке на новомодный манер и держаться старались в уголках потемнее; а многие девушки танцевали сами с собой или просто старались избавить оркестр от необходимости бренчать на банджо и бить в барабаны. К полуночи веселье стало еще более бурным. Прославленный тенор спел что-то по-итальянски, печально известная контральто исполнила джаз, а между номерами многие из гостей откалывали по всему парку «штучки-дрючки», и взрывы глупого счастливого смеха уносились в летнее небо. Пара сценических «близнецов» — ими оказались те самые девушки в желтом, — показала, должным образом переодевшись, сценку из жизни малых детишек, шампанское подавали уже в бокалах такой величины, что в них можно было ополоснуть все пять пальцев, а то и десять. Взошла луна, по Проливу поплыл треугольник серебристых чешуек, слегка подрагивавших под густую жестяную капель банджо.

Я все еще пребывал в обществе Джордан Бейкер. Мы сидели за столом с мужчиной моих примерно лет и вульгарной девчушкой, по малейшему поводу раздражавшейся неудержимым смехом. Мне было хорошо. Я успел выпить две полоскательницы шампанского, и все, что окружало меня, изменилось, обретя значительность, натуральность и глубокий смысл.

Оркестр смолк, мужчина повернулся ко мне, улыбнулся.
— Ваше лицо мне знакомо, — учтиво сообщил он. — Вы не служили во время войны в Третьей дивизии?

– Ну да. В девятом пулеметном батальоне.

– А я в седьмом пехотном – до июня восемнадцатого. Тот мне все казалось, что я вас где-то видел.

Мы немного потолковали о сырых и серых французских деревушках. По-видимому, он жил где-то поблизости, поскольку сказал мне, что совсем недавно купил гидроплан и собирается опробовать его нынче утром.

– Не хотите составить мне компанию, старина? Пролетим вдоль берега над Проливом.

– В какое время?

– В любое – какое вам больше нравится.

Я совсем уж было собрался спросить его имя, но тут Джордан, оглянувшись на нас, улыбнулась мне.

– Ну что, вам повеселее стало?

– Намного, – и я снова обратился к моему новому знакомцу. – Я не привычен к таким приемам. Даже хозяина не видел. А живу вон там... – и я махнул рукой в направлении невидимой зеленой изгороди, – и этот господин, Гэтсби, прислал ко мне шофера с приглашением.

Несколько мгновений он смотрел на меня, словно чего-то не понимая, а потом вдруг сказал:

– Это я – Гэтсби.

– Что?! – вскричал я. – О, прошу прощения.

– Я думал, вы знаете, старина. Боюсь, хозяин я не из лучших.

Он улыбнулся мне с пониманием – с чем-то намного боль-

шим понимания. То была одна из тех редких, бесконечно утешительных улыбок, какие нам удастся увидеть за всю нашу жизнь всего лишь четыре-пять раз. На миг она обращалась – или казалась обращенной – ко всему внешнему миру, а затем отдавалась тебе с неотразимым, явно предвзятым благоволением. Она словно понимала тебя ровно настолько, насколько тебе хотелось быть понятым, верила в тебя так, как ты сам хотел в себя верить, убеждала тебя, что ты производишь именно то впечатление, какое надеялся, в самых сладких твоих мечтаниях, произвести. И как только я понял все это, она истаяла – передо мной сидел хорошо одетый, но явно неотесанный человек тридцати одного – тридцати двух лет, почти нелепый в его усилиях церемонно выстраивать речь: прежде даже, чем Гэтсби представился, у меня сложилось отчетливое впечатление, что слова он подбирает с дотошной осмотрительностью.

Почти сразу после моего знакомства с Гэтсби к нему спеша приблизился дворецкий, сказавший, что звонят из Чикаго. Гэтсби извинился, отвесив каждому из нас по небольшому поклону.

– Если вам чего-то захочется, старина, только скажите, – настоятельно попросил он меня. – Прошу прощения. Я присоединюсь к вам попозже.

Едва он отошел, я повернулся к Джордан – мне не терпелось поведать ей о моем изумлении. Я-то ожидал, что мистер Гэтсби окажется краснолицым, корпулентным господи-

ном средних лет.

– Кто он? – спросил я. – Вам о нем что-нибудь известно?

– Просто человек по фамилии Гэтсби.

– Я хочу сказать, откуда он? Чем занимается?

– Ну вот, теперь и вы туда же, – с вымученной улыбкой ответила Джордан. – Ладно... он как-то сказал мне, что учился в Оксфорде.

За фигурой Гэтсби начал вырисовываться смутный фон, впрочем, следующие слова Джордан размыли его еще пуще.

– Да только я ему не поверила.

– Почему?

– Не знаю, – резко ответила она. – Просто не думаю, чтобы он там побывал.

Что-то в ее тоне напомнило мне «я думаю, он человека убил» другой девушки и заново возбудило мое любопытство. Я без дальнейших вопросов принял бы сведения о том, что Гэтсби явился сюда из болот Луизианы или из нижней части нью-йоркского Ист-Сайда. Это было бы понятно и постижимо. Но не бывает же так – во всяком случае, мой опыт провинциала уверял: не бывает, – чтобы молодой человек преспокойно выплыл неведомо откуда и купил дворец на берегу пролива Лонг-Айленд.

– Как бы там ни было, – сказала Джордан, меняя (из воспитанной неприязни к однозначности) тему, – он устраивает большие приемы. А я люблю большие приемы. Они так интимны. На малых совершенно невозможно уединиться.

Послышался удар большого барабана, и эхолалию парка перекрыл голос дирижера оркестра.

— Леди и джентльмены! — прокричал дирижер. — По просьбе мистера Гэтсби мы исполним сейчас последнее сочинение мистера Владимира Бренчаловффа, которое в прошлом мае прозвучало в Карнеги-холле и наделало много шума. Тем из вас, кто читает газеты, известно, какой оно стало сенсацией.

На лице его расцвела жизнерадостно-снисходительная улыбка, и он повторил: «Той еще сенсацией», вызвав всеобщий смех.

— Сочинение это известно, — громогласно заключил дирижер, — под названием «Джазовая история мира Владимира Бренчаловффа».

Природа музыки, которую сочинил мистер Бренчаловфф, от меня ускользнула, поскольку при первых же ее тактах на глаза мне попался Гэтсби, который одиноко стоял вверху мраморной лестницы, переводя одобрителный взгляд с одной компании гостей на другую. Загорелая кожа приятно обтягивала его лицо, короткие волосы выглядели так, точно их подстригали каждый день. Ничего зловещего мне в нем различить не удалось. Я погадал, не помогает ли ему воздержание по части спиртного отстраняться от гостей, ибо мне показалось, что с разгулом панибратского веселья он становился все более церемонным. Под конец «Джазовой истории мира» девушки принялись на щенячий, компанейский манер укладывать головы на плечи мужчин, другие же навзничь

падали им на руки в шуточные обмороки – особенно в компаниях, где можно было не сомневаться, что кто-нибудь их непременно подхватит, – однако на Гэтсби не падал никто, и ничьи по-французски коротко остриженные локоны не ложились ему на плечо, и никакие певческие квартеты с ним во главе не составлялись.

– Прошу прощения.

Рядом с нами вдруг объявился дворецкий Гэтсби.

– Мисс Бейкер? – осведомился он. – Прошу прощения, но мистер Гэтсби желал бы поговорить с вами наедине.

– Со мной? – удивившись, воскликнула она.

– Да, мадам.

Джордан медленно встала, изумленно приподнимая брови, и пошла за дворецким к дому. Я отметил, что вечернее платье, да и все остальные, она носит как спортивный костюм – в движениях ее присутствовала веселая живость, такая, точно ходить она училась ясными, свежими утрами на площадках для гольфа.

Я остался один, времени было без малого два. Довольно давно уже из длинной залы, многочисленные окна которой выходили на террасу, неслись невнятные, но интригующие звуки. Увильнув от студента Джордан, пожелавшего, чтобы я присоединился к разговору о родовспоможении, который он завел с двумя хористками, я вошел в дом.

Зала оказалась наполненной людьми. Одна из девушек в желтом играла на рояле, пообок от нее стояла высокая,

рыжеволосая молодая леди из прославленного хора и пела. Шампанского она успела выпить немало и потому, исполняя песенку, решила – совершенно безосновательно, – что жизнь очень, очень грустна, и теперь не только пела, но и плакала. Всякая возникавшая в пении пауза отдавалась ею прерывистым задышливым рыданиям, после которых она опять принималась петь дрожащим сопрано. Слезы текли по ее щекам – не беспрепятственно, впрочем: первым делом они встречались, украшая их словно стеклярусом, с густо накрашенными ресницами, и лишь потом, насытившись тушью, продельвали остаток пути неторопливыми черными ручейками. Кто-то громко пошутил, сказав, что поет она по нотам, начертанным на ее лице, – услышав это, певица всплеснула руками, осела в кресло и погрузилась в крепкий хмельной сон.

– Она поругалась с мужчиной, который назвался ее мужем, – пояснила стоявшая рядом со мной девушка.

Я огляделся. Большая часть еще не уехавших женщин как раз и ругалась с мужчинами, называвшими себя их мужьями. Вражда разделила даже тех, с кем приехала Джордан, квартал с Ист-Эгг. Один из мужчин вел на редкость оживленный разговор с молодой актрисой, а жена его, попытавшись поначалу с достоинством и безразличием посмеяться над этим и не преуспев, сдалась и перешла к фланговым атакам – через равные промежутки времени она, походившая теперь на негодующий бриллиант, вдруг подскакивала к мужу и шипела ему на ухо: «Ты же обещал!»

Нежелание отправляться домой охватило не только ветреных мужчин. В зале присутствовала парочка прискорбно трезвых мужей и их до крайности прогневанных жен. Последние жаловались одна другой слишком, пожалуй, громкими голосами.

– Как увидит, что мне весело, так сразу домой хочет ехать.

– В жизни такого эгоиста не встречала.

– И всегда мы уходим первыми.

– Мы тоже.

– Ну, сегодня-то мы почти последние, – робко произнес один из мужчин. – Оркестр уж полчаса как уехал.

И несмотря на согласное заявление жен о том, что в подобное зловердство и поверить невозможно, диспут завершился короткой борцовской схваткой, после которой обеих дам унесли, хоть они и лягались, в темноту.

Пока я дожидался моей шляпы, дверь библиотеки отворилась, и из нее вышли Джордан Бейкер и Гэтсби. Он проносил какие-то обращенные к ней прощальные слова, но пылкость их резко затянулась узлом чопорности, едва лишь несколько гостей подошли к нему, чтобы попрощаться.

Спутники Джордан нетерпеливо окликали ее с террасы, однако она на миг задержалась, чтобы пожать мне руку.

– Я только что услышала нечто совершенно фантастическое, – прошептала она. – Сколько времени мы там пробыли?

– Ну... около часа.

– Это было... просто поразительно, – повторила Джордан,

размышляя о чем-то. – Я дала слово никому не рассказывать, а вот теперь морочу вам голову.

И она изящно зевнула мне в лицо.

– Прошу вас, приезжайте повидать меня... В телефонной книге... Миссис Сигурни Говард... Моя тетя...

Произнося это, Джордан торопливо удалялась, беспечно помахивая поднятой над головой загорелой рукой, – и наконец соединилась с теми, кто ждал ее у дверей.

Немного пристыженный тем, что при первом моем визите в этот дом я задержался до столь позднего часа, я подошел к последним обступившим Гэтсби гостям. Мне хотелось объяснить, что в начале вечера я разыскивал его, извиниться за то, что не узнал его в парке.

– И говорить не о чем, – нетерпеливо прервал меня Гэтсби. – Забудьте об этом, старина.

В уже знакомом мне выражении его лица фамильярности было не больше, чем в успокоительно скользнувшей по моему плечу ладони.

– Не забудьте, однако, что завтра утром, в девять, мы собираемся полетать на гидроплане.

За плечом его вновь обозначился дворецкий:

– Вас к телефону, сэр. Филадельфия.

– Хорошо, минуту. Скажите им, что я сейчас подойду... спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи. – Он улыбнулся – и мне вдруг пока-

залось, что мой слишком поздний уход приятен ему, он как будто именно этого и желал. – Спокойной ночи, старина... Спокойной ночи.

Впрочем, сойдя по ступеням, я увидел, что вечер еще не закончился. Футах в пятидесяти от ворот поместья дюжина головных фар освещала причудливую, сумбурную картину. В придорожной канаве приткнулся покинувший подъездную дорожку Гэтсби не более пары минут назад новенький двухдверный автомобиль с отодранным колесом. В их расставании повинен был острый выступ стены, и теперь колесо стало предметом уважительного внимания полудюжины водителей. Однако, выйдя из своих машин, они перекрыли дорогу, вследствие чего к этой сцене, и без того беспорядочной, добавился неблагозвучный гомон гудков, издаваемых теми, кто ехал за ними.

Из разбитой машины выбрался и встал посреди дороги мужчина в длинном пыльнике. Он окинул веселым, озадаченным взглядом сцену аварии, отлетевшее колесо и повернулся к зрителям.

– Надо же! – воскликнул он. – В канаву сверзился.

Обстоятельство это, по-видимому, безмерно изумило беднягу – поначалу я узнал его неординарную способность удивляться увиденному и лишь затем самого мужчину, позднего посетителя библиотеки Гэтсби.

– Как все было?

Он пожал плечами и твердо объявил:

– Я в механике ничего не смыслю.

– Но как все случилось-то? Вы в стену врезались?

– Не спрашивайте, – ответил, словно умывая руки, Совиноглазый. – Я и о вождении мало что знаю – почти ничего. Так вышло – вот все, что мне известно.

– Ну, если вы такой плохой водитель, зачем было вести машину ночью?

– А я и не вел, – рассердился Совиноглазый. – Даже и не пытался.

Все испуганно замерли.

– Убиться, что ли, надумали?

– Хорошо еще, что вам только колесо оторвало. Никчемный водитель – и даже не пытался вести!

– Вы не поняли, – пояснил преступник. – Я вообще до руля не дотрагивался. В машине остался еще кое-кто.

Вызванное этой новостью потрясенное молчание было прервано сдавленным «Оххх!», прозвучавшим, когда начала медленно приоткрываться дверца автомобиля. Толпа – теперь ее уже можно было назвать толпой – непроизвольно подалась назад и, едва лишь дверца отворилась окончательно, смолкла снова, точно ожидая увидеть призрака. Из разбитой машины очень медленно, словно бы по частям, выбрался, с опасливой неуверенностью нащупав землю большой, обутой в бальный туфель ступней, бледный, расхлябанный мужчина.

Ослепленный светом фар, сбитый с толку непрерывным

стенанием клаксонов, призрак пару мгновений простоял, покачиваясь, а затем взгляд его обратился к мужчине в пыли-нике.

– В чем дело? – мирно осведомился призрак изрядно заплетающимся языком. – У нас бензин кончился?

– Смотрите!

Полдюжины пальцев указали на ампутированное колесо – призрак некоторое время созерцал его, а затем возвел глаза к небу, словно заподозрив, что колесо свалилось именно оттуда.

– Отлетело, – пояснил кто-то.

Призрак кивнул:

– Я сначала и не заметил, что мы остановились.

Пауза. Затем он тяжело вздохнул, расправил плечи и решительным тоном осведомился:

– Может, кто-нибудь скажет мне, где тут заправка?

Человек самое малое десять – у некоторых язык заплетался немногим меньше, чем у него, – принялись втолковывать ему, что между машиной и колесом не существует более никакой физической связи. Призрак, недолго подумав, предложил:

– Можно задним ходом сдать.

– Так колеса же нет!

Призрак поколебался немного и сказал:

– Ну, попытка – не пытка.

Кошачий концерт автомобильных гудков достиг кульми-

нации, я повернулся и пошел лужайкой к моему дому. И только раз оглянулся назад. Облатка луны сияла над особняком Гэтсби, ночь, пережившая веселье и гомон все еще освещенного парка, была по-прежнему хороша. А из окон и огромных дверей особняка, казалось, сочилась теперь пустота, обрекая на полное одиночество фигуру его хозяина, стоявшего на террасе, подняв в церемонном жесте прощания руку.

Перечитав все написанное мною до сей поры, я увидел: оно создает впечатление, будто меня только и занимали, что эти три ночи, отделенные одна от другой несколькими неделями. Ничего подобного, они были всего лишь пустяковыми эпизодами того заполненного множеством событий лета и до времени куда более позднего занимали меня бесконечно меньше, чем мои личные обстоятельства.

Большую часть времени я работал. Ранними утрами, когда солнце отбрасывало мою тень к западу, я торопливо шагал по белым ущельям «нижнего» Нью-Йорка в свой «Честный траст». Я уже знал по именам наших клерков и молодых продавцов ценных бумаг, людей, с которыми завтракал в темных, переполненных ресторанчиках – свиные сосиски, картофельное пюре, кофе. У меня завелся даже короткий роман с девушкой, жившей в Джерси-Сити и работавшей в нашей бухгалтерии, однако ее брат начал косо посматривать на меня, и, когда она в июле отправилась в отпуск, я позволил роману тихо угаснуть.

Ужинал я обычно в «Йельском клубе» – неведь почему, это было самым гнетущим событием моего дня, – а после поднимался в его библиотеку и тратил час на добросовестное изучение инвестиций и залогов. Шумной публики в клубе обычно хватало, однако библиотеку она обходила стороной, и потому работалось там хорошо. Затем, если вечер был тих и тепел, я совершал прогулку по Мэдисон-авеню и, миновав старый отель «Мюррей-Хилл», сворачивал на Тридцать третью стрит и доходил по ней до Пенсильванского вокзала.

Я понемногу влюблялся в Нью-Йорк, в его пряные, полные приключений вечера, в удовольствие, доставляемое ненасытному взору мельканием и мерцанием его женщин, мужчин, машин. Мне нравилось прохаживаться по Пятой авеню, выбирать в людской толпе романтического облика женщин и на несколько минут воображать, как я войду в их жизни и никто не узнает об этом и не осудит меня. Иногда я мысленно провожал их до квартир, занимаемых ими на углах затаившихся улиц, и женщины оборачивались и улыбались мне, прежде чем растаять в теплой темноте за дверью. В зачарованном сумраке огромного города на меня нападало порой одиночество, которое я ощущал и в других – в бедных молодых клерках, переминавшихся перед витринами магазинов, ожидая, когда наступит время одинокого ужина в ресторане, – в людей, которые попусту растрачивали в полумраке самые острые мгновения и ночи, и жизни.

И снова в восемь вечера, когда темные сороковые устав-

лялись в пять рядов дрожащими таксомоторами⁹, желавшими полететь к кварталу театров, я чувствовал, как валится куда-то мое сердце. Чьи-то тела кособочились в ожидавших такси, пели голоса, кто-то смеялся над не услышанным мной анекдотом и раскуривал сигареты, и огоньки их очерчивали неразличимую извне жестикуляцию сидевших в машинах людей. Воображая, что и мне тоже будет дано мчаться навстречу их увеселениям, разделять их сокровенное волнение, я желал им всего самого лучшего.

Джордан Бейкер я потерял на какое-то время из виду, но потом, в середине лета, нашел снова. Поначалу мне было лестно появляться с ней там и сям, поскольку она была известной гольфисткой и имя ее знали все. Потом к этому чувству добавилось другое. Я не то чтобы влюбился, но начал испытывать к ней нежное любопытство. Что-то крылось под скучающим, надменным лицом, обращаемым Джордан к миру, – почти всякая манерность становится в итоге маской, даже если поначалу ничего она не прикрывала, – и в конце концов я сообразил, что таилось под ним. Когда мы поехали с ней в Уорик погостить у ее друзей, она оставила под дождем, не закрыв верх, взятую напрокат машину, а после измыслила в свое оправдание какую-то ложь – и я вдруг вспомнил связанную с Джордан историю, которая все ускользала от меня в тот вечер у Дэйзи. Во время первого в ее жизни большого

⁹ Комментаторы романа полагают, что это отсылка к «Бесплодной земле» Т. С. Элиота: «Машина в ожидании дрожит, как таксомотор» (перевод А. Сергеева).

гольфового турнира Джордан обвинили в том, что она сдвинула в полуфинальной игре неудачно лежавший мяч, и эта история едва не попала в газеты. Дело могло дойти до скандала, но его удалось замять. Подвозивший клюшки служитель взял свои слова назад, еще один свидетель, единственный, заявил, что мог и ошибиться. Однако случай этот и имя Джордан остались в моей памяти неразделимы.

Джордан Бейкер инстинктивно сторонилась людей умных и проницательных, и теперь я понял – происходило это потому, что она чувствовала себя в большей безопасности там, где любое отклонение от каких-либо правил почитается вполне допустимым. Она была неизлечимо нечестна. Всякое неблагоприятное для нее положение представлялось Джордан нестерпимым, и, думаю, она еще в ранней юности начала изобретать увертки, которые позволяли ей взирать на мир с холодной, надменной улыбкой, потакая между тем требованиям своего крепкого, хваткого тела.

Меня-то все это оставляло равнодушным. Мы никогда не переживаем бесчестность женщины всерьез, я мимоходом прощал ее, а там и забывал. Возвращаясь тогда из гостей, мы завели занятный разговор о вождении автомобиля. Начался он после того, как Джордан пронеслась в такой близости от дорожных рабочих, что сорвала крылом машины пуговицы с куртки одного из них.

– Водишь ты черт знает как, – возмутился я. – Либо будь поосторожней, либо не садись за руль.

– Я и так осторожна.

– Вот уж чего нет, того нет.

– Ладно, зато осторожны другие.

– Другие-то тут при чем?

– А они под колеса ко мне не лезут, – заявила Джордан. –

Для несчастного случая нужны двое.

– Но что, если тебе попадется человек, такой же беспечный, как ты?

– Надеюсь, не попадется, – ответила она. – Терпеть не могу беспечных людей. Потому-то ты мне и нравишься.

Серые, прищуренные от солнца глаза Джордан смотрели вперед, однако она сумела намеренно переменить тон наших с ней отношений, и на миг мне показалось, что я люблю ее. Однако я тугодум, да еще и руководствуюсь целым сводом внутренних правил, воздействующих на мои желания, как тормозные колодки, и потому счел, что первым делом обязан распутать клубок оставленных мною дома отношений. Раз в неделю я посылал туда письма, завершая их словами «С любовью, Ник», и единственным, о ком я думал сейчас, была теннисистка с призрачными усиками пота на верхней губе. Думал-то думал, но понимал, хоть и не ясно, что свободным я стану, лишь тактично порвав с нею.

Каждый из нас подозревает в себе носителя хотя бы одной из кардинальных добродетелей, и моя была вот какой: я – один из очень немногих встреченных мною в жизни совестливых людей.

Глава четвертая

Воскресными утрами, когда в прибрежных городках названивали церковные колокола, весь свет и дамы полусвета возвращались в поместье Гэтсби, чтобы затопить суетливой веселостью его лужайку.

— Он бутлегер, — уверяли юные леди, перемещаясь от коктейлей Гэтсби к его цветникам. — И однажды убил человека, прознавшего, что он приходится племянником фон Гинденбургу и троюродным братом дьяволу. Добудь мне розу, милый, и плесни последнюю каплю вон в тот хрустальный бокал.

Как-то раз я записал на полях расписания поездов имена людей, которые посещали тем летом поместье Гэтсби. Расписание, на котором значится: «Действительно до 5 июля 1922», давно устарело и пообтрепалось на сгибах. Но посеребрившие имена еще различимы, и они позволят вам лучше, чем общие мои рассуждения, понять, что за люди пользовались гостеприимством Гэтсби и в благодарность приносили ему лукавую дань полного неведения о том, кто он и что он.

С Ист-Эгт приезжали Честер Беккерс, и Пьявкисы, и мой йельский знакомый Бунзен, и доктор Уэбстер Виверра, прошлым летом утонувший в Мэне. Приезжали Грабы и Вилли Вольтер с супругой, и целый клан Газелов, эти всегда забивались в какой-нибудь угол и, если кто-то приближался к

ним, трясли на козлиный манер головами. Приезжали Исмеи и Кристи (а вернее сказать, Губерт Ауэрбах и жена мистера Кристи), и Эдгар Нутрий, про которого рассказывали, что в один зимний денек он без всякой на то причины побелел как лунь.

Насколько я помню, с Ист-Эгг приехал и Кларенс Эндиви. Приехал всего один раз, в белых бриджах, и подрался в парке с лоботрясом по фамилии Этти. С дальнего конца Айленда приезжали Чидлы и О. Р. П. Шредеры, Джексон «Каменная Стена» Абрамс¹⁰ из Джорджии, и Фишгарды, и Рипли Улит с женой. Снелл провел в поместье три дня, по истечении коих сел в тюрьму, и под конец третьего напился до того, что упал на гравиевой подъездной дорожке, и машина миссис Улисс Сьюитт переехала его правую руку. Приезжала также чета Дэнси, и С. Б. Анчоус, которому было уже под семьдесят, и Морис А. Флинк, и супруги Акулло, и табачный импортер Белуга, и дочери Белуги.

Уэст-Эгг представляли Поляки, и Малреды, и Сесил Косуль, и Сесил Шён, и сенатор штата Гулик, и Ньютон Орхид, управляющий компании «Филмз Пар Экселленс», и Экхост, и Клайд Коэн, и Дон С. Шварце (сын), и Артур Мак-Карти, все они так или иначе подвизались в кинематографии. А еще появлялись Кэтлипы, и Бемберги, и Дж. Эрл Малдун, брат того самого Малдуна, что впоследствии задушил свою

¹⁰ Генерал армии конфедератов Томас Джонатан Джексон (1824–1863) получил после сражения при Бул-Ране (1861) прозвище «Каменная Стена».

жену. Приезжали также импресарио Де Фонтано, Эд Легрос, Джеймас Б. («Гнилушка») Куниц, Де Джонги и Эрнст Лилли – все до единого картежники (если Куниц выходил в парк, это означало, что он проигрался дотла и на завтра акции «Ассошиэйтед трэкшн» подорожают).

Некто по фамилии Клипспрингер заглядывал в поместье так часто и так надолго, что его прозвали «поселенцем», – я вообще сомневаюсь, что у него имелось другое пристанище. Из людей театра там бывали Гас Уэйз, Хорас О’Донаван, Лестер Мейер, Джордж Даквид и Фрэнсис Буль. Кроме того, наезжали из Нью-Йорка Хромы, Бэкхайссоны, Денникеры, Рассел Бетти, Корриганы, Келлехеры, Дьюары, Скалли, С. У. Белчер, Смэрки, молодые Куинны, теперь они уже развелись, и Генри Л. Пальметто, впоследствии покончивший с собой, прыгнув под поезд подземки на станции «Таймс-Сквер».

Бенни Мак-Кленаган неизменно появлялся с четверкой девушек. Почти всегда разных, но до того походивших одна на другую, что каждому из нас казалось, будто мы их уже видели. Имена девушек я позабыл – вроде бы имелась среди них Жаклин, или Консуэла, или Глория, или Джуди, или Джун, а что до фамилий, то те были либо мелодичными названиями цветов и месяцев, либо звучащими куда более строго фамилиями великих американских капиталистов, в близком родстве с коими эти девицы, если их удавалось загнать в угол, и признавались.

В добавление к этому я помню по меньшей мере одно появление Фаустины О'Брайен, помню дочерей Бедекера, молодого Бровара, которому отстрелили на войне кончик носа, мистера Албруксбюргера, его невесту мисс Хааг, Ардиту Фиц-Петерс, мистера П. Джуэтта, одно время возглавлявшего Американский легион¹¹, мисс Клаудию Бедр с мужчиной, которого принято было считать ее шофером, и принца какой-то страны, коего мы называли Дюком, – имя его я если и знал, то забыл.

Вот такие люди навещали тем летом поместье Гэтсби.

Как-то в конце июля, часов в девять утра, великолепный автомобиль Гэтсби проехал, колыхаясь, по ведшей к моим дверям каменистой дорожке, и клаксон его сыграл мелодию из трех нот. До того Гэтсби ко мне не заглядывал, хоть я и побывал на двух его приемах, полетал на гидроплане и – по настоящему приглашению хозяина поместья – часто купался и загорал на его пляже.

– С добрым утром, старина. Мы с вами сегодня завтракаем в городе, вот я и подумал: а что бы нам не поехать туда вместе?

Он сидел на крыле своей машины, поддерживая равновесие гибкими движениями тела, – эта сугубо американская легкость возникает, сколько я понимаю, от того, что в юности нам не приходится перетаскивать тяжести или подолгу сидеть на одном месте, а главное, благодаря аморфной грациоз-

¹¹ Учрежденная в 1919 году организация ветеранов войны.

ности наших нервных, шальных спортивных игр. Это свойство Гэтсби то и дело проступало за церемонностью его манер. Совершенно спокойным он не бывал никогда – то ступня его постукивала по земле словно сама собой, то нетерпеливо сжималась и разжималась ладонь.

Он заметил, что я восхищенно поглядываю на его машину.

– Хороша, верно, старина? – Он прыгнул с крыла, чтобы я мог получше ее разглядеть. – Вы ведь уже видели ее?

Я ее видел. Ее все видели. Сочного кремового цвета, сверкающая никелем, триумфально взбухающая по всей ее чудовищной длине выпуклостями отделений для шляп, закусок, инструментов, обнесенная лабиринтом стекол и щитков, в которых отражалась дюжина солнц. Усевшись за многослойными стеклами в этом обтянутом зеленой кожей парнике, мы покатали к городу.

За последний месяц мы беседовали с полдюжины раз, и я с разочарованием обнаружил, что сказать Гэтсби в сущности нечего. И потому мое изначальное представление о нем как о человеке неопределенно влиятельном постепенно выветрилось, он стал для меня просто владельцем замысловато устроенной придорожной закусочной, стоявшей рядом с моим домом.

И тут состоялась эта совершенно сбившая меня с толку поездка. Мы еще не достигли единственной деревни Уэст-Эгг, а Гэтсби уже начал оставлять свои отточенные фразы

недовершенными и нерешительно похлопывать себя по колену, обтянутому тканью цвета жженого сахара.

– Послушайте, старина, что вы обо мне думаете, а? – вдруг выпалил, удивив меня, он.

Несколько озадаченный, я пролепетал пару уклончивых общих мест, которых только и заслуживают такие вопросы.

– Ладно, – прервал меня Гэтсби, – я собираюсь рассказать вам кое-что о моей жизни. Не хочется, чтобы выдумки, которые вам приходится выслушивать, создали у вас неверное представление обо мне.

Стало быть, экстравагантные наветы, коими сдабривались разговоры его гостей, Гэтсби были известны.

– Расскажу вам все как на духу. – Он резко воздел правую руку, словно призывая в свидетели небеса. – Я родился на Среднем Западе, в богатой семье, родные мои все уже умерли. Вырос в Америке, но образование получил в Оксфорде, где учились все мои предки. Семейная традиция.

Гэтсби искоса взглянул на меня, и я понял, почему Джордан Бейкер решила, что он лжет. Слова «образование получил в Оксфорде» он произнес как-то торопливо, словно проглатывая их или поперхнувшись ими, – как если б когда-то они уже довели его до беды. Сомнения, внушенные мне ими, не оставляли камня на камне от всего, что говорил Гэтсби, и я вновь погадал, не кроется ли в нем все-таки нечто дурное, зловещее.

– В какой части Среднего Запада вы родились? – небреж-

но поинтересовался я.

– В Сан-Франциско.

– Понятно.

– Родня моя перемерла, оставив мне немалые деньги.

Он произнес это мрачно, так, словно воспоминания о внезапной кончине всей родни и поныне терзали его. На миг я заподозрил, что Гэтсби пытается одурачить меня, однако, взглянув на него, понял: это не так.

– Потом я какое-то время жил в европейских столицах – в Париже, Венеции, Риме, – как молодой раджа: коллекционировал драгоценные камни, по большей части рубины, охотился на крупную дичь, немного писал красками, исключительно для себя, и пытался забыть нечто очень печальное, случившееся со мной в давние годы.

Мне пришлось приложить определенные усилия, чтобы сдержать недоверчивый смешок. Сами его фразы были истерты до таких дыр, что приводили на память лишь увенчанного тюрбаном «персонажа», из каждой поры которого сыпется песок, пока он гоняется по Булонскому лесу за тигром.

– А потом началась война. Она стала для меня большим облегчением, старина, я очень старался погибнуть, но, как видно, жизнь моя заговорена. В самом начале я пошел в армию первым лейтенантом. В Аргонском лесу я, приняв под начало два пулеметных подразделения, ушел от своих вперед, да так далеко, что пехота отстала на полмили и никак не могла к нам пробиться. Мы продержались два дня и две но-

чи, сто тридцать человек с шестнадцатью «лыюисами», а когда пехота наконец пришла, она обнаружила в окружавших нас грудах вражеских тел знаки отличия трех германских дивизий. Меня произвели в майоры, я получил награды от каждой из стран Союзников – даже от Черногории, маленькой Черногории на берегу Адриатического моря!

«Маленькой Черногории!» Он словно приподнял эти слова перед собой и покивал им, улыбаясь. Эта улыбка относилась и к бурной истории Черногории, и к отважной борьбе ее народа. Содержалось в ней и понимание тех трудностей, которые Черногории пришлось преодолеть, чтобы в конце концов вознаградить Гэтсби от всего ее маленького, горячего сердца. Мое недоверие потонуло в завороченности – слушая его, я словно пролистал с десятков журналов.

Он сунул руку в карман и опустил на мою ладонь прикрепленный к ленте кусочек металла.

– Это награда Черногории.

К моему изумлению, она производила впечатление настоящей.

Шедшая по кругу надпись гласила: «Orderi di Danilo. Montenegro, Nicolas Rex»¹².

– Переверните.

«Майору Джею Гэтсби, – прочитал я. – За исключитель-

¹² «Орден Данило. Черногория, король Никола». Князь Данило Петрович-Негош (1826–1860) – первый светский властитель Черногории. Король Никола Петрович-Негош (1841–1921).

ную отвагу».

– И вот это я тоже всегда ношу с собой. Памятку об оксфордских днях. Снимок сделан во дворе Тринити-колледжа – слева от меня стоит граф Доркастерский.

Я увидел фотографию десятирех юношей в блейзерах, стоявших в арочном проходе, за которым различались прозрачные шпили. Одним из них был выглядевший моложе, хоть и ненамного, Гэтсби – с крикетной битой в руке.

Выходит, все это было правдой. Перед моими глазами поплыли тигриные шкуры, пламеневшие по стенам его дворца на Гранд-канале; он сам, поднимающий крышку ларца с рубинами, дабы умерить их густым багряным свечением боль, которая угрызала его разбитое сердце.

– Я собираюсь обратиться к вам сегодня с важной для меня просьбой, – сказал он, удовлетворенно возвращая свои памятки в карман, – и потому подумал, что вам следует что-то знать обо мне. Не хотелось бы, чтобы вы считали меня пустым местом. Понимаете, обычно меня окружают чужие люди, поскольку я разъезжаю по свету, стараясь забыть то печальное, что случилось со мной.

Он замялся.

– Вы услышите об этом сегодня.

– За завтраком?

– Нет, после полудня. Я узнал стороной, что вы пригласили мисс Бейкер выпить с вами чаю.

– Вы хотите сказать, что влюблены в мисс Бейкер?

– Нет, старина, я не влюблен в нее. Однако мисс Бейкер была настолько добра, что согласилась поговорить с вами о моем деле.

Я не имел и отдаленного понятия о том, что это за «дело», но почувствовал скорее раздражение, чем любопытство. Джордан я пригласил на чай вовсе не для того, чтобы обсуждать с нею мистера Джея Гэтсби. К тому же я не сомневался, что просьба его окажется решительно несусветной, и даже пожалел на миг, что нога моя вообще ступила на переполненную людьми лужайку Гэтсби.

Больше он ни слова мне не сказал. По мере приближения к городу чинность его все возрастала. Мы миновали Порт-Рузвельт, мельком увидев красные обводы выходявших в океан судов, пронеслись по мощенному булыжником закоулку, вдоль которого выстроились темные, отнюдь не малолюдные питейные заведения с пожухлой позолотой на вывесках девятисотых годов. Потом по обеим сторонам дороги распахнулась долина праха, и я, опять-таки мельком, увидел авторемонтную мастерскую и живо сражавшуюся с бензоколонкой миссис Уилсон в разгар битвы.

Словно летя на распростертых крыльях автомобиля, разбрызгивая блики света, мы проскочили половину Лонг-Айленд-Сити, но лишь половину, ибо, едва вокруг нас закружили опоры надземки, я услышал знакомое тарыхтение мотоцикла, и вскоре вровень с нами понесся взбешенный полицейский.

– Все путем, старина! – крикнул Гэтсби. Мы затормозили. Гэтсби достал из бумажника белую карточку, помахал ею перед носом полицейского.

– Ваша взяла, – признал тот и коснулся пальцами фуражки. – Теперь буду знать вас в лицо, мистер Гэтсби. Прошу прощения!

– Что вы ему показали? – поинтересовался я. – Оксфордскую фотографию?

– Как-то раз мне удалось оказать услугу комиссару полиции, с тех пор я каждый год получаю от него рождественскую открытку.

Огромный мост, отблески бьющего сквозь его фермы солнца на автомобилях, город, вырастающий за рекой белыми горами, сахарными головами, которые чья-то воля воздвигла на лишённые запаха деньги. С моста Куинсборо он всегда предстает перед нами словно бы в первый раз и словно впервые без удержу сулит открыть нам все тайны, все красоты, какие только существуют на свете.

Мы миновали похоронные дроги с заваленным цветами покойником, две кареты с опущенными на окнах шторками следовали за ним, а за каретами – менее скорбные экипажи с друзьями усопшего. Друзья поглядывали на нас – трагические глаза, коротковатые верхние губы уроженцев юго-восточной Европы, – и я порадовался тому, что вид великолепной машины Гэтсби стал частью их печального уик-энда. Пока мы пересекали остров Блэквелл, навстречу нам попал-

ся лимузин с белым водителем и троицей расфуфыренных негров: двумя молодчиками и девицей. Я расхохотался, увидев, как они с кичливым превосходством вытаращились на нас.

«Теперь, когда мы миновали мост, может случиться все, – подумал я. – Все что угодно...»

Может случиться даже с Гэтсби, и ничего удивительного в этом не будет.

Шумный полдень. Я пришел, чтобы позавтракать с Гэтсби, в прохладный подвал на Сорок второй улице. И, проморгавшись после яркого света улицы, увидел его говорившим в темном вестибюле с каким-то мужчиной.

– Мистер Каррауэй, познакомьтесь с моим другом – мистер Вольфшайм.

Низкорослый еврей с приплюсненным носом поднял ко мне большую голову, и я увидел пару густо заросших тонким волосом ноздрей. А еще миг спустя различил в полутьме и маленькие глазки.

– ...таки я бросил на него один взгляд, – сказал, рьяно сотрясая мою руку, мистер Вольфшайм, – и что я, по-вашему, сделал?

– Что? – воспитанно осведомился я.

Впрочем, обращался он, видимо, не ко мне, поскольку, отпустив мою ладонь, наставил свой выразительный нос на Гэтсби.

– Отдал деньги Кэтспо и сказал: «Так вот, Кэтспо, пока

он не заткнется, не давайте ему ни пенни». Тут-то он и заткнулся.

Гэтсби взял нас под локти и повел в ресторан, и мистеру Вольфшайму пришлось проглотить следующую уже начатую им фразу, погружившись в сомнамбулическую задумчивость.

– Хайболы? – спросил метрдотель.

– Хороший ресторан, – сказал мистер Вольфшайм, разглядывая потолочных пресвитерианских нимф. – Но тот, что по другую сторону улицы, мне нравится больше!

– Да, хайболы, – ответил Гэтсби и повернулся к мистеру Вольфшайму: – Там слишком жарко.

– Жарко и людно – да, – согласился мистер Вольфшайм, – зато какие воспоминания!

– Вы о чем говорите? – спросил я.

– О старом «Метрополе».

– Старый «Метрополь», – сумрачно повторил мистер Вольфшайм. – Сколько мертвых лиц. Сколько друзей, ушедших навсегда. До конца моих дней не забуду ночь, когда там застрелили Розы Розенталя¹³. Нас было шестеро за столом, Розы весь вечер много ел и пил. А перед самым утром к нему подошел официант с каким-то странным выражением на лице и говорит: кое-кто хочет побеседовать с вами, ждет снаружи. «Ладно», – отвечает Розы и начинает подниматься, но я дернул его за руку и снова усадил в кресло.

¹³ Розы Розенталь – реальное лицо, мошенник, убитый у входа в «Метрополь» в 1912 году.

– «Если ты нужен этим ублюдкам, Роза, пускай зайдут сюда, а тебе выходить из ресторана незачем, ей-ей». Было уже четыре утра, если бы мы подняли шторы, то увидели бы дневной свет.

– Но он все же вышел? – наивно спросил я.

– Конечно, вышел. – Мистер Вольфшайм гневно дернул в мою сторону носом. – У двери обернулся и говорит: «Не позволяйте официанту унести мой кофе!» И вышел на тротуар, и они всадили в его толстый живот три пули и уехали.

– Четверо из них попали на электрический стул, – вспомнил я.

– Вместе с Беккером – пятеро. – Он заинтересованно повернулся ко мне, снова продемонстрировав волосистые ноздри. – Я так понимаю, вам требуются деловые гонгагты?

Непосредственное соседство двух этих фраз несколько ошеломило меня. Впрочем, ответил ему Гэтсби:

– О нет, – воскликнул он, – это совсем не тот человек!

– Не тот? – Похоже, Гэтсби разочаровал мистера Вольфшайма.

– Он просто мой друг. Я же сказал, о делах мы поговорим в другой раз.

– Прощу прощения, – произнес мистер Вольфшайм. – Я малость сбился.

Подали сочное рагу, и мистер Вольфшайм, забыв о сентиментальной атмосфере старого «Метрополя», с истовым изяществом принялся за еду. Впрочем, взгляд его очень мед-

ленно скользил по залу – он закончил круговой обзор, обернувшись, чтобы посмотреть на тех, кто сидел за его спиной. Думаю, только мое присутствие помешало ему мельком заглянуть и под столик, за которым сидели мы.

– Послушайте, старина, – сказал, склонившись ко мне, Гэтсби, – боюсь, я немного рассердил вас этим утром, в машине.

На лице его снова заиграла улыбка, однако на сей раз я против нее устоял.

– Мне не нравятся тайны, – ответил я. – К тому же не понимаю, отчего вы прямо не скажете мне, что вам требуется. Почему я должен узнавать об этом от мисс Бейкер?

– О, никаких козней тут нет, – заверил меня Гэтсби. – Вы же знаете, мисс Бейкер – выдающаяся спортсменка, она никогда не сделала бы чего-то недостойного.

Он вдруг посмотрел на часы, вскочил и торопливо покинул зал, оставив меня в обществе мистера Вольфшайма.

– Звонить пошел, – сообщил, проводив его взглядом, мистер Вольфшайм. – Хороший малый, верно? Красивый и джентльмен настоящий.

– Да.

– Еще и учился в Оксфорде.

– О!

– Это такой колледж в Англии. Вы знаете Оксфордский колледж?

– Слышал о нем.

– Один из самых известных колледжей в мире.

– А вы с Гэтсби давно знакомы? – поинтересовался я.

– Несколько лет, – удовлетворенно ответил он. – Имел удовольствие повстречаться с ним сразу после войны. Мы проговорили около часа, и я понял: передо мной настоящий благовоспитанный джентльмен. И сказал себе: «Вот человек, которого ты с радостью пригласил бы в свой дом и представил матери и сестре».

Он помолчал, затем:

– Я вижу, вы посматриваете на мои запонки.

Вообще говоря, я на них не посматривал, но тут взглянул: кусочки слоновой кости какой-то странно знакомой формы.

– Превосходные образчики человеческих коренных зубов, – заметил мистер Вольфшайм.

– Да что вы! – Я пригляделся повнимательнее. – Какая интересная идея.

– О да, – он поддернул рукава рубашки, убрав запонки под манжеты пиджака. – А еще Гэтсби очень уважителен с женщинами. На жену друга он даже не взглянет никогда.

Как только предмет его инстинктивного доверия вернулся и сел за столик, мистер Вольфшайм залпом допил свой кофе и поднялся на ноги.

– Было очень вкусно, – сказал он, – но теперь, молодые люди, я покидаю вас, чтобы не злоупотреблять вашим гостеприимством.

– Не спешите, Мейер, – сказал Гэтсби, довольно равно-

душно, впрочем. Мистер Вольфшайм поднял, словно благословляя нас, ладонь.

– Вы очень учтивы, но я – человек другого поколения, – торжественно возвестил он. – Посидите, побеседуйте о спорте, о ваших юных леди, о вашем...

Он заменил воображаемое существительное еще одним взмахом руки.

– А что я? Мне пятьдесят лет, и я не хочу навязывать вам мое общество.

Когда он пожимал нам руки и уходил, трагический нос его подрагивал. И я подумал, не обидел я его чем.

– По временам на него нападает отчаянная сентиментальность, – пояснил Гэтсби. – Сегодня – один из таких дней. В Нью-Йорке за ним закрепилась слава большого оригинала – и на Бродвее он свой человек.

– Он кто, кстати сказать, – актер?

– Нет.

– Дантист?

– Мейер Вольфшайм? Нет, он игрок. – Гэтсби помялся, но затем спокойно добавил: – Это он провернул в девятнадцатом аферу с результатами Мировой серии.

– Ту самую? – переспросил я.

Новость эта ошеломила меня. Я помнил, конечно, что игры бейсбольного чемпионата 1919-го оказались договорными, но если и думал об этом, то как о чем-то просто случившемся под конец некой цепочки неизбежных событий. Мне

и в голову не приходило, что всего лишь один человек мог обмануть доверие пятидесяти миллионов людей – да еще и с целенаправленностью взламывающего сейф грабителя.

– Как же ему это удалось? – спросил я, промолчав целую минуту.

– Просто подвернулась такая возможность.

– А почему он не в тюрьме?

– Его не смогли уличить, старина. Он умен.

Счет оплатил по моему настоянию я. И когда официант принес сдачу, я вдруг увидел на другом конце заполненного людьми зала Тома Бьюкенена.

– Пойдемте на минутку туда, – сказал я. – Мне нужно кое с кем поздороваться.

Увидев нас, Том вскочил из-за столика и сделал с полдесятка шагов нам навстречу.

– Куда ты пропал? – требовательно спросил он. – Дэйзи сердится, что ты к нам не заглядываешь.

– Это мистер Гэтсби. Мистер Бьюкенен.

Они обменялись коротким рукопожатием, на лице Гэтсби появилось незнакомое мне выражение – напряженное и смущенное.

– Ну, как живешь? – спросил Том. – Почему заехал, чтобы поесть, так далеко от дома?

– Мы здесь завтракали с мистером Гэтсби.

Я обернулся к нему, но его больше не было рядом со мной.

В один октябрьский день семнадцатого года...

(так начала свой рассказ Джордан Бейкер, сидевшая, выпрямившись, на стуле с прямой спинкой посреди чайной отеля «Плаза»)

...я шла от дома к дому, где по тротуару, где по газону. Газон мне нравился больше, потому что я была в английских туфлях с резиновыми шпильками на подошвах, впивавшимися в мягкую землю.

На мне была новая клетчатая юбка, которую слегка вздувал ветер, и при каждом его порыве красно-бело-синие флаги всех домов туго натягивались и неодобрительно произносили «те-те-те-те».

Самый большой флаг и самый широкий газон принадлежали дому Дэйзи. Ей только что исполнилось восемнадцать, на два года больше, чем мне, и не было в Луисвилле другой девушки, которая пользовалась бы таким же успехом. Она носила все белое, и двухместный открытый автомобиль ее был белым, и в доме ее весь день звонил телефон, и кто-нибудь из молодых офицеров Кэмп-Тейлора просил, волнуясь, чтобы она оказала ему честь и провела с ним сегодняшний вечер – «или хоть часик!».

Когда я в то утро подошла к ее дому, белый автомобиль стоял у бордюра, а Дэйзи сидела в нем с лейтенантом, которого я прежде не видела. Они были настолько поглощены друг дружкой, что заметили меня лишь после того, как я приблизилась к ним футов на пять.

«Здравствуй, Джордан, – неожиданно окликнула меня

Дэйзи. — Будь добра, подойди к нам».

Приглашение польстило мне, потому что я ставила ее выше любой другой взрослой девушки. Она спросила, не направляюсь ли я в Красный Крест, мы там готовили перевязки для солдат. Я туда и направлялась. Хорошо, а смогу я передать, что ее сегодня не будет? Пока Дэйзи разговаривала со мной, офицер смотрел на нее, да так, что каждой девушке захотелось бы занять ее место, и, поскольку мне это показалось безумно романтичным, я хорошо запомнила тот случай. Офицера звали Джей Гэтсби, в следующий раз я увидела его лишь четыре года спустя, на Лонг-Айленде, да и тогда не поняла, что это он самый и есть.

Это было в семнадцатом. На следующий год и у меня появилось несколько поклонников, я начала играть в турнирах и с Дэйзи виделась нечасто. Она водилась с людьми, которые были немного старше ее, — если водилась вообще. О ней ходили странные слухи — рассказывали, например, что одним зимним вечером мать застала ее за укладкой чемодана: Дэйзи собиралась поехать в Нью-Йорк, попрощаться с солдатом, уплывавшим за океан. Из дома ее не выпустили, и она несколько недель не разговаривала с родными. После этого она перестала водиться с военными, предпочитая им тех немногих плоскостопых и близоруких молодых людей нашего города, которых в армию попросту не брали.

К следующей осени она снова повеселела, стала такой,

как прежде. После Перемирия¹⁴ состоялся первый ее выход в свет, а в феврале она, как поговаривали, обручилась с мужчиной из Нового Орлеана. Однако в июне вышла замуж за чикагца по имени Том Бьюкенен, и свадьба их была помпезней и пышнее всего, что когда-либо видел Луисвилл. Том привез с собой в четырех арендованных им вагонах сотню гостей, снял в отеле «Зеельбах» целый этаж, а перед венчанием подарил Дэйзи жемчужное ожерелье ценой в триста пятьдесят тысяч долларов.

Я была подружкой невесты. За полчаса до предсвадебного обеда я зашла в ее номер и увидела, что Дэйзи лежит в расшитом цветами платье на кровати, прекрасная, как июньская ночь, и пьяная, как сапожник. В одной руке она держала бутылку «сотерна», в другой – письмо.

«Поздравь меня, – пролепетала она. – Никогда прежде не пила, и, о, как же мне это нравится».

«Что случилось, Дэйзи?»

Признаюсь, я перепугалась – мне еще ни разу не доводилось видеть женщину в таком состоянии.

«Вот, д-дорогуша... – Она порылась в мусорной корзине, которая валялась рядом с ней на кровати, и вытащила жемчужное ожерелье. – С-неси это вниз и отдай к-кому следует. И скажи всем, что Дэйзи пе-передумала. Так и скажи: “Дэйзи передумала!”»

¹⁴ Подписанное Союзниками под Компьеном перемирие с Германией (11 ноября 1918), после которого боевые действия уже не велись.

И она заплакала – и не могла остановиться. Я выскочила из номера, нашла ее мать, мы заперли дверь, затащили Дэйзи в холодную ванну. Письмо она из руки так и не выпустила. Опустилась с ним в воду и скомкала в мокрый шарик, и позволила мне оставить его в мыльнице, только увидев, что оно рассыпается, точно ком снега.

Но не сказала больше ни слова. Мы дали ей понюхать нашатырного спирта, приложили ко лбу лед, нацепили на нее платье и, через полчаса она вышла из номера с ожерельем на шее – инцидент был исчерпан. На завтра в пять она преспокойно обвенчалась с Томом Бьюкененом и отправилась в трехмесячное путешествие по южным морям.

Когда они возвратились, я встретила с ними в Санта-Барбаре и сказала себе, что никогда еще не видела женщину, так безумно любящую мужа. Стоило ему на минуту покинуть их отельный номер, как бедняжка начинала тревожно озираться и спрашивать: «Куда ушел Том?» – и пребывала в полной растерянности, пока он не появлялся в дверях. Она могла просидеть на песке целый час, положив голову Тома себе на колени, потирая пальцами его веки и глядя на него с безмерным упоением. Так трогательно было наблюдать за ними – это зрелище заставляло тебя смеяться, тихо и зачарованно. То было в августе. Через неделю я уехала из Санта-Барбары, и как-то ночью машина Тома врезалась на дороге в Вентуру в фургон, да так, что лишилась переднего колеса. Имя ехавшей с ним женщины тоже попало в га-

зеты, потому что она сломала руку, – женщиной этой была горничная одного из тамошних отелей.

В следующем апреле Дэйзи родила девочку и на год уехала во Францию. Я виделась с ними весной – в Каннах, потом в Довиле, а затем они вернулись в Чикаго, чтобы обосноваться там. Как ты знаешь, в Чикаго Дэйзи любили. Люди их окружали легкие на подъем – молодые, богатые, ветреные, – однако репутация ее была безупречной. Возможно, потому, что она никогда не пила. Оставаясь трезвой в сильно пьющей компании, ты получаешь немалое преимущество. Не говоришь лишнего и, более того, можешь точно выбирать время для любых твоих маленьких шалостей, потому что все прочие окосевают настолько, что ничего не замечают или им просто наплевать. Возможно, Дэйзи так ни одной интрижки и не завела – и все же в ее голосе присутствует что-то...

Ну да ладно, месяца полтора назад она впервые за долгие годы услышала имя Гэтсби. Помнишь, как я поинтересовалась, знаком ли ты с Гэтсби, живущим на Уэст-Эгг? После твоего отъезда она поднялась в мою комнату, разбудила меня и спросила: «Что за Гэтсби?», а когда я описала его – я наполовину спала, – сказала на редкость странным тоном, что, возможно, знала этого человека. Только тут я и связала Гэтсби с тем офицером в ее белой машине.

Джордан Бейкер закончила свой рассказ уже после того, как мы, покинув «Плаза», провели полчаса, катаясь в откры-

той коляске по Центральному парку. Солнце успело сесть за высокие, начиненные квартирами кинозвезддома Западных Пятидесятых, в жарких сумерках звучали чистые голоса девочек, рассыпавшихся, точно сверчки, по траве. Девочки пели:

Я – аравийский шейх, Ты – свет моих очей. И что ни ночь, пока ты спишь, Я в твой шатер крадусь, как мышь...

– Странное получилось совпадение, – сказал я.

– Вовсе не совпадение.

– То есть?

– Гэтсби купил этот дом, чтобы оказаться рядом с Дэйзи – всего лишь по другую от нее сторону бухты.

Стало быть, в ту июньскую ночь он не просто уносился мыслями к звездам. И теперь стал для меня живым человеком, внезапно явившимся на свет из утробы бессмысленного богатства.

– Он хочет знать, – продолжала Джордан, – не согласишься ли ты как-нибудь пригласить Дэйзи к себе на чашку чая и не разрешишь ли заглянуть туда и ему.

Умеренность этой просьбы поразила меня. Он прождал пять лет, купил поместье, где расточал лунный свет перед случайно залетающими к нему мотыльками, и все ради того, чтобы получить когда-нибудь возможность «заглянуть» в дом почти не знакомого ему человека.

– Разве обязательно было посвящать меня в подробности? Он же мог просто попросить о таком пустяке.

– Он боится. Так долго ждал. И еще он думал, что ты можешь оскорбиться. Видишь ли, при всем его внешнем блеске он порядочный дикарь.

И все-таки кое-что меня беспокоило.

– А почему он не попросил тебя устроить их встречу?

– Ему хочется, чтобы она увидела его дом, – объяснила Джордан. – А твой стоит совсем рядом.

– О!

– Думаю, он наполовину надеялся, что как-нибудь ночью Дэйзи забредет на один из его приемов, – продолжала Джордан, – однако она так и не появилась. Тогда он начал словно бы между прочим выпрашивать у людей, знакомы ли они с ней, и я оказалась первой, кого он отыскал. Помнишь ту ночь с танцами, когда он послал за мной? Слышал бы ты, какими замысловатыми путями он подбирался к интересовавшей его теме. Конечно, я сразу предложила завтрак в Нью-Йорке – но он просто взбесился и все повторял: «Я не затеваю ничего предосудительного! Я просто хочу встретиться с ней у соседа». Когда же я сказала, что ты – добрый знакомый Тома, он едва не отказался от своего замысла. О Томе он почти ничего не знает, хоть и говорит, что не один год читает чикагскую газету, надеясь встретить в ней имя Дэйзи.

Уже стемнело, и когда мы заехали под маленький мостик, я обнял Джордан за золотистые плечи, притянул ее к себе и попросил поужинать со мной. Внезапно я и думать забыл о Дэйзи и Гэтсби, остались лишь мысли об этой чистой, твер-

дой, ограниченной особе, только и знавшей, что предаваться вселенскому скепсису, а сейчас беспечно откинувшейся на сгиб моей руки. И в ушах моих застучали, кружа мне голову, слова: «Есть только охотники, дичь, и те, кому не до охоты, и те, кто просто устал».

– Надо же и Дэйзи получить что-то от жизни, – промурлыкала Джордан.

– А ей-то хочется увидеть Гэтсби?

– Она ничего не знает. Гэтсби не желает этого. Предполагается, что ты просто пригласишь ее на чашку чая.

Мы миновали стену темных деревьев, а следом фасад Пятьдесят девятой стрит, квартал, заливающий парк нежно-бледным светом. В отличие от Гэтсби и Тома Бьюкена, у меня не было женщины, чье бесплотное лицо могло бы плыть вдоль темных карнизов и слепящих вывесок, и потому я, согнув руку, притянул поближе ту, что сидела рядом со мной. Бледные, презрительные губы ее разошлись в улыбке, и я притянул ее снова, еще ближе, к лицу.

Глава пятая

Возвращаясь той ночью на Уэст-Эгг, я ненадолго испугался, подумав, что дом мой горит. Было два часа ночи, однако весь наш уголок полуострова заливался ярким светом, падавшим, обращая их в искусственные, на кусты и длинно отблескивавшим на тянувшихся вдоль дороги проводах. Но тут дорога произвела поворот, и я увидел, что это особняк Гэтсби светится от башни до погреба.

Поначалу я решил, что там происходит очередной прием, что буйное сборище гостей затеяло игру в прятки¹⁵ и дом предоставили в их распоряжение. Однако из него не доносилось ни звука. Только ветер шумел листвой да раскачивал провода, заставляя свет то гаснуть, то вспыхивать снова, отчего огромный особняк словно подмигивал мне в темноте. А когда такси, стеноя, отъехало, я увидел, что ко мне идет через свою лужайку Гэтсби.

– Ваш дом смахивает на Всемирную выставку, – сказал я.

– Да? – Он обернулся, окинул особняк рассеянным взглядом. – Мне захотелось прогуляться по нему. Давайте поедем

¹⁵ На западе также распространен вариант игры (в прятки), который называется «сардинки». В этом варианте прячется один, а ищут его все остальные. Тот, кто найдет его первым, прячется вместе с ним. Затем к ним присоединяется следующий, кто их найдет, потом по очереди все остальные. Игра кончается, когда последний игрок присоединяется к остальным. Он объявляется проигравшим и обычно прячется следующим. В сардинки часто играют в темноте.

на Кони-Айленд, старина. В моей машине.

– Слишком поздно.

– Ну, тогда, может быть, в бассейне поплаваем? Я еще не окунался в него этим летом.

– Я предпочел бы лечь спать.

– Ладно.

Он ждал, глядя на меня со сдержанным нетерпением.

– Мы поговорили с мисс Бейкер, – сказал я после недолгого молчания. – Завтра позвоню Дэйзи и приглашу ее сюда на чай.

– О, хорошо, – небрежно откликнулся он. – Мне только не хотелось бы, чтобы у вас возникли какие-нибудь сложности.

– Какой день вас устроит?

– Какой день устроит вас? – быстро поправил меня Гэтсби. – Я не хочу доставлять вам лишние хлопоты, понимаете?

– Как насчет послезавтра?

Он на миг задумался. Затем, словно против воли, сказал:

– Надо бы траву подстричь.

Мы оба взглянули на нее – мою косматую лужайку отделила от его, более темной, прекрасно ухоженной, отчетливая граница. По-видимому, он говорил о моей траве.

– Есть и еще одна мелочь, – неуверенно произнес он и примолк.

– Вы предпочли бы отложить все на несколько дней? – спросил я.

— О, я не о том. Во всяком случае... — Он мямлил, путаясь в словах, не зная, как начать: — Я тут подумал... наверное... послушайте, старина, вы ведь зарабатываете не так уж и много, верно?

— Не очень.

По-видимому, мой ответ как-то успокоил Гэтсби, потому что продолжил он с большей уверенностью:

— Я так и думал, простите меня за... видите ли, помимо прочего, я занимаюсь одним дельцем, это что-то вроде побочного бизнеса, понимаете? Ну и подумал, если вам не хватает денег... Вы ведь ценными бумагами торгуете, так, старина?

— Пытаюсь.

— Ну вот, тогда это может вас заинтересовать. Времени оно займет немного, а деньги принесет приличные. Правда, дело довольно конфиденциальное.

Ныне я понимаю, что при других обстоятельствах тот разговор мог стать поворотным пунктом моей жизни. Но, поскольку предложение его было очевидной и бестактной платой за услугу, которую я ему оказывал, мне оставалось только одно — ответить отказом.

— У меня и без того работы хватает, — сказал я. — Премного благодарен, но взяться еще за одну я не смогу.

— С Вольфшаймом вам никаких дел вести не придется. — По-видимому, он решил, что меня пугают упомянутые во время недавнего завтрака «гонтагты», однако я заверил его,

что он ошибается. Гэтсби подождал немного, надеясь, что я продолжу разговор, но я был слишком увлечен своими переживаниями, чтобы вести беседу, и он нехотя отправился восвояси.

Случившееся тем вечером обратило меня в человека легкомысленного, счастливого; думаю, я заснул, едва переступив порог моего дома. И потому не знаю, поехал Гэтсби на Кони-Айленд, не поехал и долго ли еще «прогуливался» он по своему ослепительно сверкавшему дому. Поутру я из офиса позвонил Дэйзи и пригласил ее на чашку чая.

– Только Тома не привози, – предупредил я.

– Что?

– Не привози Тома.

– А Том – это кто? – невинно осведомилась она.

В день, о котором мы с ней условились, шел проливной дождь. В одиннадцать утра в дверь моего дома постучал прихлопнувший газонкосилку мужчина в дождевике – по его словам, мистер Гэтсби велел ему подстричь мою траву. Это напомнило мне, что я забыл попросить мою финскую служанку прийти пораньше, – пришлось ехать в деревню, искать ее по слякотным, заставленным белеными домами улочкам, да заодно и прикупить чашки, лимоны и цветы.

Цветы оказались лишними, поскольку в два часа дня мне доставили из дома Гэтсби содержимое целой оранжереи вместе с бесчисленными вазами для его размещения. Часом позже входная дверь моего дома нервно распахнулась, и в нее

торопливо вошел Гэтсби – в costume из белой фланели, серебристой сорочке при золотистом галстуке. Он был бледен, с темными следами бессонной ночи под глазами.

– Все в порядке? – еще с порога спросил он.

– Если вы о траве, выглядит она превосходно.

– О какой траве? – удивился Гэтсби. – А, во дворе...

Он выглянул в окно, однако, судя по выражению его лица, мало что увидел.

– Выглядит хорошо, – неуверенно сообщил он. – В какой-то газете написано, что около четырех дождь прекратится. По-моему, в «Джорнал». Вам удалось раздобыть все необходимое, чтобы... необходимое для чая?

Я отвел его в буфетную, где он окинул взглядом – не весьма одобрительным – мою финку. Затем мы осмотрели дюжину лимонных пирожных, купленных мной в деликатесной лавочке.

– Сойдут? – спросил я.

– Конечно, конечно! Отличные! – воскликнул Гэтсби и загробным голосом прибавил: – ...старина.

Около половины четвертого ливень выдохся, обратившись в сырой туман, из которого время от времени выплывали крошечные капли – словно роса садилась. Гэтсби впереялся пустым взором в «Экономику» Клея, вздрагивая от сотрясавшей кухонный пол поступи финки и время от времени поглядывая на запотевшие окна, – как будто за ними совершались невидимые нам, но зловещие события. В конце

концов он встал и робко уведомил меня, что уходит домой.

– С чего бы это?

– Никто к вам на чай не приедет. Слишком поздно! – и он посмотрел на часы – так, словно его ожидали где-то еще неотложные дела. – Я не могу ждать целый день.

– Не дурите; сейчас всего лишь без двух минут четыре.

Он с жалким видом плюхнулся, словно я толкнул его, в кресло, и тут же слышался рокот подъезжавшей к моей лужайке машины. Мы оба вскочили на ноги, и я, немного стыдясь себя, вышел во двор.

Под давно отцветшими, роняющими капли кустами сирени к моей подъездной дорожке приближался большой открытый автомобиль. Вот он остановился. Из-под треугольной лавандовой шляпы на меня смотрела, чуть наклонив голову, восторженно улыбающаяся Дэйзи.

– Так вот где ты обитаешь, бесценный мой?

Веселящие душу переливы ее голоса под дождем разом взбодрили меня. Недолгое время я просто слушал его возвышения и падения и только потом стал различать слова. Мокрая прядь волос лежала на ее щеке, точно мазок синей краски, на руке Дэйзи блеснули, когда я помог ей выйти из машины, капли воды.

– Ты ведь влюблен в меня, – негромко сказала она мне на ухо. – Иначе зачем тебе было просить, чтобы я приехала одна?

– Это тайна замка Рэкрен¹⁶. Отошли куда-нибудь на часок твоего шофера.

– Вернетесь за мной через час, Ферди, – затем серьезным шепотом: – Его зовут Ферди.

– Запах бензина не вредит его носу?

– Не думаю, – с невинным видом ответила Дэйзи. – А почему ты спрашиваешь?

Мы вошли в дом. К великому моему удивлению, гостиная оказалась пустой.

– С ума сойти! – воскликнул я.

– О чем ты?

И Дэйзи обернулась на легкий, чинный стук во входную дверь. Я открыл. Посреди большой лужи стоял бледный как смерть Гэтсби, засунув, словно гири, кулаки в карманы пиджака и трагически глядя мне в глаза.

Так и не вынув рук из карманов, он прошел мимо меня в прихожую, резко, будто марионетка на ниточке, развернулся и скрылся в гостиной. Решительно ничего смешного я в этом не усмотрел. Чувствуя, как колотится мое сердце, я потянул дверь на себя, чтобы отгородиться от разошедшегося дождя.

С полминуты я не слышал ни звука. Потом из гостиной до меня донеслось что-то вроде сдавленного бормотания, короткий смешок, а следом голос Дэйзи, произнесшей с откровенно фальшивой интонацией:

¹⁶ «Замок Рэкрен» (1800) – первый в Европе исторический роман, написанный ирландкой Марией Эджуорт (1767–1849).

– Разумеется, я ужасно рада снова увидеть вас.

Пауза; страшно долгая. Делать мне в прихожей было нечего, и я вошел в гостиную.

Гэтсби – руки по-прежнему в карманах – стоял, прислонясь к каминной полке и натужно изображая полную неприужденность, даже скуку. Голову он откинул назад, так далеко, что уперся затылком в давно остановившиеся каминные часы, смятенный взгляд его был устремлен вниз, на Дэйзи, а та, испуганная, но изящная, сидела на краешке туго набитого кресла.

– Мы когда-то были знакомы, – пробормотал Гэтсби. Взгляд его на миг скользнул по мне, губы разделились в безуспешной попытке усмехнуться. По счастью, часы выбрали именно это мгновение, чтобы опасно наклониться под натиском его головы, заставив Гэтсби обернуться, подхватить их дрожащими пальцами и водворить на место. После чего он неуклюже опустился на кушетку, поставил локоть на ее подлокотник, и подпер подбородок ладонью.

– Прошу прощения за часы, – сказал он.

Лицо мое горело, как будто его обожгло тропическое солнце. В голове вертелась тысяча затасканных фраз, однако выговорить мне ни одной не удавалось.

– Они старые, – идиотически сообщил я.

Сдается, всем нам казалось в тот миг, что часы рухнули на пол и разбились вдребезги.

– Мы уже много лет не встречались, – на редкость ровным

тоном сообщила Дэйзи.

– В ноябре будет пять.

Машинальный ответ Гэтсби заставил нас умолкнуть снова – самое малое на минуту. Наконец я, из одного лишь отчаяния, предложил им помочь мне на кухне с чаем, Дэйзи и Гэтсби вскочили на ноги, и тут проклятая финка внесла поднос, на котором он и стоял, уже готовый.

Долгожданная суэта с чашками и пирожными снова вернула нашему поведению хотя бы внешнюю пристойность. Гэтсби стушевался, мы с Дэйзи беседовали, а он пристально смотрел в лицо тому из нас, кто говорил, и взгляд его был тревожным и несчастным. Но ведь мы собрались здесь не ради мирной беседы, и потому я при первой же возможности попросил извинить меня и встал.

– Куда вы? – в мгновенном испуге спросил Гэтсби.

– Скоро вернусь.

– Мне нужно поговорить с вами кое о чем перед вашим уходом.

Он торопливо последовал за мной на кухню, прикрыл дверь и жалобно прошептал:

– О господи!

– Что с вами?

– Все это ужасная ошибка, – сказал он, покачивая головой из стороны в сторону, – ужасная, ужасная.

– Вы просто смущены, вот и все, – ответил я и, по счастью, добавил: – Как и Дэйзи.

– Смущена? – недоверчиво переспросил он.

– Ровно настолько же, насколько вы.

– Говорите потише.

– Ведете себя как мальчишка, – сердито выпалил я. – Мало того, ведете себя невоспитанно. Дэйзи сидит там одна.

Он поднял ладонь, чтобы заставить меня замолчать, с незабываемым укором посмотрел мне в глаза, опасливо открыл дверь и вернулся в гостиную.

Я вышел через заднюю дверь, – как Гэтсби полчаса назад, когда он, занервничав, обошел вокруг дома, – и побежал к огромному дереву с узловатым черным стволом и густой кроной, подобием тента, способного укрыть меня от дождя. А дождь припустил снова, и моя неровная лужайка, столь чисто выбритая садовником Гэтсби, уже успела обзавестись множеством грязных трясинок и первобытных топей. Смотреть из-под дерева мне было не на что, только на огромный дом Гэтсби, ну я и смотрел целых полчаса, совершенно как Кант на церковный шпиль. Десять лет назад дом этот построил помешавшийся на «старине» пивовар, – рассказывают, что он предложил владельцам окрестных коттеджей пять лет платить за них налоги, если они заменят свои кровли соломенными. Не исключено, что их отказ сделал невозможным исполнение его замысла – стать зачинателем Прославленного Рода, – отчего жизнь пивовара быстро покатилась к печальному концу. Дети его продали дом с еще висевшим на двери похоронным венком. Американцы хоть и готовы по

временам обращаться в рабов, но быть крестьянами не хотят ни в какую.

Через полчаса солнце просияло снова, а на подъездную дорожку Гэтсби завернул автомобиль бакалейщика, груженный продуктами, из которых предстояло состряпать ужин для слуг – я не сомневался, что хозяин их даже одной ложки сегодня не проглотит. Горничная начала распахивать окна верхнего этажа, на миг появляясь в каждом, а добравшись до самого большого, эркерного, высунулась в него и задумчиво плюнула в парк. Пора было возвращаться. Дождь, пока он шел, казался мне рокотом двух голосов, время от времени чуть возвышавшихся и стихавших в приливах чувств. Теперь же все смолкло, и я почувствовал, что тишина наступила и в моем доме.

Я вошел в него, постарался наделать на кухне побольше шума – разве что плиту на пол не уронил, – думаю, впрочем, что гости мои ничего не слышали. Они сидели по разным концам кушетки, глядя друг на дружку так, словно уже был задан или сам по себе повис в воздухе некий вопрос; последние остатки владевшего ими смущения исчезли, не оставив и следа. По лицу Дэйзи были размазаны слезы, и едва я появился в гостиной, как она поднялась с кушетки, подошла к зеркалу и принялась утирать их носовым платком. А вот Гэтсби изменился разительно. Он буквально светился; новообретенное блаженство источалось им без единого ликующего слова или жеста, заполняя собой маленькую гостиную.

– О, здравствуйте, старина, – произнес он так, будто мы не виделись бог знает сколько лет. Я даже подумал на миг, что он мне сейчас руку пожмет.

– Дождь перестал.

– Правда? – поняв, о чем я говорю, заметив наконец, рассыпавшиеся по комнате зайчики солнечного света, он улыбнулся, как счастливый синоптик, как восторженный ревнитель вечного возвращения света, и повторил новость Дэйзи: – Как вам это понравится? Дождь перестал.

– Я рада, Джей. – Голос ее, мучительно, горестно прекрасный, говорил сейчас лишь о неожиданном счастье.

– Я хочу, чтобы вы с Дэйзи заглянули в мой дом, – сказал Гэтсби. – Я бы показал его ей.

– Вы уверены, что я вам не помешаю?

– Абсолютно, старина.

Дэйзи поднялась наверх, умыться, – я слишком поздно вспомнил об унижительном состоянии моих полотенец, – мы с Гэтсби ждали ее на лужайке.

– Хорошо выглядит мой дом, верно? – спросил он. – Посмотрите, как его фасад ловит свет.

Я согласился: да, дом великолепен.

– Да. – Гэтсби окинул его взглядом, каждую арочную дверь, квадратную башню. – Три года ушло у меня на то, чтобы заработать деньги на его покупку.

– Я думал, деньги у вас наследственные.

– Были, старина, – с какой-то заезженной интонацией от-

ветил он, — но бо́льшую их часть я потерял во время великой паники — паники войны.

Думаю, он едва ли понимал, что говорит, поскольку на мой вопрос о его бизнесе ответил: «Это мое дело», не успев вовремя сообразить, что такой ответ недопустим.

— О, я много чем занимался, — поправился он. — Лекарствами, потом нефтью. Однако сейчас их оставил.

И Гэтсби взглянул на меня с несколько большим вниманием:

— Вы хотите сказать, что подумали над тем моим ночным предложением?

Прежде чем я успел ответить, из дома вышла Дэйзи, и два ряда медных пуговиц ее платья блеснули под солнцем.

— Вон тот огромный дворец? — воскликнула она, указав на особняк Гэтсби.

— Вам он нравится?

— Очень, только я не понимаю, как вы живете в нем совсем один.

— А я стараюсь, чтобы его днем и ночью наполняли интересные люди. Люди, которые занимаются чем-нибудь интересным. Знаменитости.

Мы не стали срезать путь берегом Пролива, а прошли по дороге и вступили в поместье через большие боковые ворота. Дэйзи, зачарованно мурлыча, любовалась то одной, то другой частностью ушедшего в небо феодального силуэта, восхищалась парком, упивалась игристым ароматом нарцис-

сов, шипучим – боярышника и слив в цвету, бледно-золотистым – жимолости. Странно это было – приблизиться к марморным ступеням и не увидеть ни суматошной толпы, ни ярких нарядов, появляющихся из двери и исчезающих за нею, не услышать ни звука, кроме пения птиц в древесной листве.

А минуя музыкальные гостиные в духе Марии-Антуанетты и салоны в стиле Реставрации, я не мог отделаться от ощущения, что за каждой кушеткой и под каждым столом прячутся гости, коим приказано хранить бездыханное безмолвие, пока мы не уйдем. И готов был поклясться, что, когда Гэтсби затворил дверь «Библиотеки Мертон-Колледжа»¹⁷, я услышал за ней призрачный смешок Совиноглазого.

Мы поднялись наверх, прошли по «старинным» спальням, утопавшим в розовых и лавандовых шелках, озаренным свежими цветами, по гардеробным, и бильярдным, и ванным комнатам с утопленными в полы ваннами – и в одной из комнат наткнулись на кудлатого господина в пижамной паре, упражнявшего, сидя на полу, свою печень. Им был мистер Клипспрингер, «поселенец». Тем утром я заметил его бродившим с оголодалым видом по пляжу. В конце концов мы добрались до личных покоев хозяина дома – спальня, ванная комната, кабинет, обставленный мебелью в стиле Адама, – и там присели и выпили по рюмочке «Шартреза», бутылку которого Гэтсби достал из стенного буфета.

¹⁷ Оксфордская, старейшая в мире научная библиотека, так и работающая со времени ее открытия (около 1373).

Он неотрывно смотрел на Дэйзи и, думаю, заново переоценивал все, увиденное нами в доме, исходя при этом из ее впечатлений, из выражения столь любимых им глаз. Впрочем, нет, время от времени он окидывал свои богатства удивленным взглядом — как будто в заправдашном, завораживающем присутствии Дэйзи все они становились нереальными. А один раз едва не слетел с лестницы.

Спальня Гэтсби оказалась наискромнейшей комнатой дома — если не считать того, что на комодке ее стоял туалетный прибор из чистого тусклого золота. Дэйзи схватила щетку и с наслаждением пригладила волосы, Гэтсби сел, прикрыл ладонью глаза и рассмеялся.

— Удивительное дело, старина, — весело сказал он. — Ничего не могу поделать... как ни стараюсь...

Гэтсби пережил у меня на глазах два отдельных состояния и вступал в третье. После начального смущения, после нерассудительной радости он весь отдался чуду присутствия Дэйзи. Он так долго думал о нем, промечтал его от начала и до конца, ждал, сцепив, так сказать, с немислимым напряжением зубы. И теперь останавливался, точно часы с перекрученным заводом.

Через минуту он пришел в себя и открыл перед нами два громадных гардероба со множеством костюмов, халатов, галстуков и рубашек, уложенных, будто кирпичи, в штабеля — по дюжине в каждом.

— Я держу в Англии человека, который покупает для меня

одежду. В начале каждого сезона, весеннего и осеннего, он присылает мне готовые подборки.

Гэтсби вытащил из гардероба стопку рубашек и принялся бросать их одну за одной на стол для нашего обозрения – рубашки из чистого льна, и плотного шелка, и тонкой фланели, – падая, они расправлялись и вскоре покрыли стол многокрасочной грудой. Пока мы любовались ими, Гэтсби извлек новую стопку, и яркая груда подросла еще – рубашки в полоску, узорчатые, в коралловую и светло-зеленую клетку, лавандовые, бледно-оранжевые, с индиговыми монограммами. Неожиданно Дэйзи, сдавленно вскрикнув, уткнулась в них лицом и разразилась рыданиями.

– Какие они прекрасные, – произнесла она приглушенным тканью голосом. – Мне грустно, потому что я никогда не видела такой... такой красоты.

Мы собирались выйти из дома, чтобы осмотреть лужайки, парк, плавательный бассейн, гидроплан, летние цветы, однако опять полил дождь, и мы просто постояли у окна спальни, глядя на покрывшийся зыбью Пролив.

– Если б не дымка, мы смогли бы увидеть ваш дом на том берегу бухты, – сказал Гэтсби. – Каждую ночь на вашем причале горит зеленый огонек.

Дэйзи порывистым движением взяла его под руку, однако он, похоже, полностью ушел в мысли о только что сказанном. Возможно, ему пришло в голову, что этот огонек лишился теперь прежнего великого значения, и уже навсегда.

При том огромном расстоянии, что совсем недавно разделяло их, огонек казался таким близким к Дэйзи, почти льнувшим к ней. Близким, как звезда к луне. А теперь он вновь обратился в зеленый фонарик на краю причала. И у Гэтсби стало одним волшебством меньше.

Я начал прогуливаться по комнате, разглядывая в полутьме всякие не вполне понятные мне вещи. И внимание мое привлекла большая, висевшая над письменным столом фотография пожилого мужчины в костюме яхтсмена.

– Кто это?

– Это? Это мистер Дэн Коди, старина.

Имя показалось мне отдаленно знакомым.

– Он уже умер. А в давние годы был моим лучшим другом.

На бюро стояла маленькая фотография вызывающе приподнявшего подбородок Гэтсби – восемнадцатилетний примерно, он тоже был одет как яхтсмен.

– Как мило! – вскричала, увидев ее, Дэйзи. – Волосы назад, да еще и кок! Вы никогда не говорили, что у вас была такая прическа – и яхта.

– Взгляните-ка, – поспешил предложить Гэтсби. – Это газетные вырезки – с вашим именем.

Они стояли бок о бок, перебирая бумажки. Я собрался было попросить, чтобы он показал мне рубины, но тут зазвонил телефон, и Гэтсби поднял трубку.

– Да... Ну, сейчас я разговаривать не могу... Не могу разговаривать, старина... Я же сказал: небольшой городок... Он

должен знать, что такое небольшой городок... Ладно, если он считает Детройт небольшим, нам от него проку не будет...

Он положил трубку.

– Идите сюда, скорее! – крикнула от окна Дэйзи.

Дождь еще продолжался, однако на западе тьма расступилась, и над морем протянулся вал словно бы вспененных золотистых и розовых облаков.

– Посмотрите, – прошептала она и, немного помолчав, добавила: – Хорошо бы поймать одно, упрятать вас в него и не выпускать.

Я предпринял попытку уйти, однако они и слышать об этом не захотели; наверное, мое присутствие усугубляло владевшее ими чувство счастливого одиночества.

– Я знаю, чем мы займемся, – сказал Гэтсби, – заставим Клипспрингера поиграть на рояле.

Он вышел из комнаты, крича: «Юинг!», и через пару минут вернулся в сопровождении стесняющегося, слегка потасканного молодого человека с редкими светлыми волосами и в очках с черепаховой оправой. Теперь он был одет благопристойно – «спортивная рубашка» с отложным воротничком, теннисные туфли и неуяснимого цвета парусиновые штаны.

– Мы не помешали вашим занятиям? – воспитанно поинтересовалась Дэйзи.

– Да я спал! – воскликнул мистер Клипспрингер, и его даже передернуло слегка от смущения. – То есть сначала спал.

А потом проснулся и...

– Клипспрингер играет на рояле, – сказал, не дав ему закончить, Гэтсби. – Ведь так, Юинг, старина?

– Ну, какое там «играет». Я не... я почти и не умею. Очень давно не упраж...

– Пошли вниз, – снова прервал его Гэтсби. И щелкнул выключателем. Серые окна исчезли, дом наполнился светом.

В музыкальной гостиной Гэтсби включил только одну лампу, у рояля. Поднеся подрагивавшую спичку к сигарете Дэйзи, он уселся с ней на диван в дальнем углу комнаты, освещенном лишь тем скудным светом, что падал из коридора, а затем отражался лакированным полом.

Клипспрингер сыграл «Любовное гнездышко», повернулся на табурете и горестными глазами отыскал в сумраке Гэтсби.

– Вот видите, очень давно не упражнялся. Говорил же я, что играть не умею. Очень давно не упраж...

– Не стоит так много болтать, старина. Играйте! – скомандовал Гэтсби.

Будь то утро,
Будь то вечер,
Мы смеемся и поем...

Снаружи шумел ветер, над Проливом полыхали проблески далеких молний. На Уэст-Эгг уже горели все огни, набитые людьми электрические поезда неслись сквозь дождь

из Нью-Йорка. Стоял тот час, когда в людях совершаются огромные перемены и воздух насыщается их возбуждением.

Одно скажу наверняка и нет ничего вернее,
Богач получает денежки, бедняк получает деток.
Но порой,
Но в промежутках...

Подойдя к ним, чтобы проститься, я увидел, что на лицо Гэтсби вернулось выражение замешательства, вызванное, быть может, опасливыми сомнениями в качестве его нынешнего счастья. Почти пять лет! Даже и сегодня наверняка случались мгновения, когда Дэйзи обманывала ожидания Гэтсби – не по своей вине, но по причине колоссальной мощи его мечтаний. Они были выше ее возможностей, выше всего, что существует на свете. Гэтсби отдавался им с творческой страстностью, то и дело добавляя к ним что-то новенькое, украшая их каждым цветным перышком, какое приплывало к нему по воздуху. Никакому сиянию, никакой свежести не по силам спорить с призраками, которыми человек населяет свое сердце.

Я воочию увидел, как Гэтсби пытается совладать с собой. Рука его сжала руку Дэйзи, и та негромко произнесла что-то ему на ухо, и всплеск эмоций заставил его резко повернуться к ней. Думаю, пуще всего Гэтсби пленяли переливы, переменчивая теплота ее голоса, вот уж чего он не мог преувеличить в своих мечтаниях – голоса Дэйзи с его бессмертной

певучестью.

На время они обо мне забыли, но вскоре Дэйзи все-таки посмотрела на меня, протянула руку; Гэтсби же, если судить по его лицу, и знаком-то со мной не был. Я окинул их еще одним взглядом, и оба тоже глянули на меня, но как-то издали, одержимые одной лишь пронизанной сильными чувствами жизнью. И я вышел из комнаты и спустился по мраморным ступеням под дождь, предоставив их друг дружке.

Глава шестая

Примерно в это время к Гэтсби заявился как-то поутру нью-йоркский репортер, спросивший, есть ли у него что сказать.

– Сказать о чем? – вежливо осведомился Гэтсби.

– Не важно – сгодится любое заявление.

После пяти минут бестолкового разговора выяснилось, что репортер слышал в редакции своей газеты, как имя Гэтсби упоминалось в некой связи, которую он либо не желал обозначить, либо толком не понял. И с похвальной предприимчивостью использовал первый же свой выходной, дабы «выяснить что к чему».

Действовал репортер на авось, однако нюх его не подвел. Зловещая известность Гэтсби, коей он был обязан сотням тех, кто пользовался его гостеприимством и в результате стал авторитетным знатоком его прошлого, разрослась за то лето настолько, что могла того и гляди выплеснуться на страницы газет. Современные легенды наподобие «подземного трубопровода до Канады» словно сами собой липли к нему, а одна выдумка отличалась особой живучестью: оказывается, Гэтсби жил вовсе не в доме, а на корабле, который выглядел совершенно как дом и тайком переплывал туда-сюда вдоль берегов Лонг-Айленда. А вот почему такие рассказы доставляли удовольствие Джеймсу Гэтцу, уроженцу Север-

ной Дакоты, сказать трудно.

Джеймс Гэтц – таким было настоящее или, во всяком случае, полученное им при рождении имя Гэтсби. Нынешнее он принял в семнадцать лет, в особый миг, ставший отправной точкой его карьеры, – он увидел тогда, как яхта Дэна Коди бросает якорь на одной из самых коварных отмелей Верхнего озера. В тот послеполуденный час по берегу бездельно слонялся в драной зеленой фуфайке и парусиновых штанах все еще Джеймс Гэтц, однако одолжил гребную лодку и подплыл к «Туоломи» – дабы уведомить Коди, что через полчаса может налететь ветер, который просто-напросто сломает его яхту пополам, – уже Джей Гэтсби.

Я полагаю, что имя это он примерял на себя довольно долгое время. Родителями Гэтсби были бестолковые, неудачливые фермеры, и воображение его никогда их всерьез родителями не считало. Истина такова: Джей Гэтсби с Уэст-Эгг, Лонг-Айленд, был взлелеян ему же и принадлежавшей платоновской идеей его самого. Он был сыном Божиим – выражение, которое если что-нибудь и значит, то следующее: он должен исполнять Волю Отца Своего, посвятить себя служению великой, вульгарной, мишурной красоте. И он придумал Джея Гэтсби – какого только и мог придумать юноша семнадцати лет – и сохранил верность этому образу до самого конца.

Он уже больше года провел на южном берегу Верхнего озера, ловил семгу, выкапывал на отмелях съедобных мол-

люсков, вообще брался за все, что позволяло оплатить кров и еду. В те трудные дни то неистовой, то вялой работы его загорелое, выносливое тело жило своей естественной жизнью. Женщин он узнал рано и, поскольку они его баловали, проникся к ним презрением — к юным девственницам за неведение, к прочим — потому, что они закатывали истерики из-за того, что он, в непомерном его эгоцентризме, считал само собой разумеющимся.

Однако в душе юноши бушевала беспрестанная смута. Ночью в постели его посещали самые причудливые, несбыточные фантазии. Неописуемая в ее безвкусной яркости вселенная разворачивалась в голове молодого человека, пока тикали на полочке умывальника часы и луна пропитывала влажным светом его одежду, грудой сваленную на полу. Каждую ночь он добавлял что-то к рисуемой его фантазией картине, пока сон не обездвигивал очередную живую сцену, заключая ее в объятия забвения. До поры до времени эти грезы служили отдушиной его воображению; они были утешительными намеками на нереальность реального, дарили надежду на то, что грузная громада мира надежно опирается на крылышко феи.

За несколько месяцев до того инстинктивное предвкушение будущего величия привело юношу в южную Миннесоту, в маленький лютеранский колледж Святого Олафа. Он провел там две недели, впав в смятение от жестокого безразличия колледжа к бою барабанов его судьбы, и в итоге отверг

работу дворника, которой расплачивался за учебу. Потом он вернулся на Верхнее озеро и все еще подыскивал для себя занятие, когда на прибрежном мелководье бросила якорь яхта Дэна Коди.

Коди, к тому времени пятидесятилетний, был порождением серебряных приисков Невады, Юкона, каждой «металлической лихорадки», какие только сотрясали страну с семьдесят пятого года. Операции с добытой в Монтане медью принесли ему многие миллионы, которые застали его еще крепким физически, но уже начавшим выживать из ума, и бесчисленные женщины, учуяв это, старались разлучить Коди с его деньгами. Не слишком аппетитные происки, посредством которых Элле Кэй, газетчице, удалось, играя на слабостях Коди, занять при нем место мадам де Ментенон, а там и отправить его в долгое плавание на яхте, широко обсуждались велеречивой прессой 1902-го. Пять лет он проплавал вдоль чрезмерно гостеприимных берегов, пока наконец не добрался, приняв обличье судьбы Джеймса Гэтца, до залива Литл-Герлз.

Юному Гэтцу, который сушил весла, глядя вверх, на поручни палубы, яхта представлялась средоточием всей красоты и блеска, какие существуют на свете. Полагаю, он улыбался Коди, вероятно уже поняв к тому времени, что улыбка его нравится людям. Так или иначе, Коди задал ему несколько вопросов (в ответ на один из них и прозвучало впервые новое имя) и обнаружил, что юноша быстр умом и необы-

чайно честолюбив. Несколько дней спустя Коди свозил его в Дулут и купил ему синюю куртку, шесть пар белых парусиновых брюк и фуражку яхтсмена. И когда «Туоломи» отплыла в Вест-Индию и к Варварскому берегу, Гэтсби был на ее борту.

Частные обязанности его определены не были: состоя при Коди, он поочередно обращался в стюарда, помощника капитана, шкипера, секретаря и даже тюремного надзирателя – трезвый Дэн Коди знал, на какое расточительство способен Дэн Коди пьяный, и все в большей и большей мере полагался на Гэтсби, как на сдерживающее начало. Их отношения продлились пять лет, за которые яхта три раза обогнула континент. Могли бы продлиться и дольше, но как-то ночью в Бостоне на борт ее поднялась Элла Кэй, а через неделю Дэн Коди негостеприимно скончался.

Я помню его портрет, висевший в спальне Гэтсби: седой багроволицый мужчина с жесткими и пустыми глазами – дебошир-первопроходец, который в определенный период жизни Америки возродил на восточном побережье дикие нравы борделей и салунов фронта. Это ему (опосредованно) обязан Гэтсби своим воздержанием от спиртного. Случалось, что на развеселых приемах Гэтсби женщины орошали его волосы шампанским, однако сам он взял за правило избегать хмельных напитков.

И именно от Коди он унаследовал деньги – двадцать пять тысяч долларов. Правда, они ему не достались. Жертвой ка-

ких юридических каверз он стал, Гэтсби так и не понял, но все, что уцелело от миллионов Коди, поступило в распоряжение Эллы Кэй. Гэтсби же получил весьма и весьма пригодившийся ему впоследствии опыт, а размытые очертания образа Джея Гэтсби приобрели определенность и наполнились по-настоящему человеческим содержанием.

Все это он рассказал мне много-много позже, но я поместил его рассказ здесь, дабы уничтожить те первые дикие слухи о прошлой жизни Гэтсби, в которых не было и тени правды. Более того, рассказал в часы совершенного моего замешательства – я готов был тогда поверить всему, что о нем болтали, и не поверить ничему. Вот я и воспользовался, дабы развеять предвзятые представления о нем, этим коротким перерывом, во время которого Гэтсби переводил, так сказать, дыхание.

Помимо прочего, перерыв относился и к тому, что касалось моей причастности к делам Гэтсби. Пару недель я и не видел его, и голоса по телефону не слышал – большую часть этого времени я провел в Нью-Йорке, прогуливаясь с Джордан и стараясь снискать расположение ее дряхлой тетушки, – но в конце концов пришел после полудня одной из суббот в его дом. Я не провел там и двух минут, как кто-то затащил туда – ради выпивки – Тома Бьюкенена. Естественно, я испугался, хотя, по правде сказать, следовало бы удивляться тому, что он не появился у Гэтсби много раньше.

К дому подъехали трое верховых – Том, некий мистер

Слоан и хорошенькая женщина в коричневой амазонке, здесь уже бывавшая.

– Счастлив вас видеть, – сказал вышедший на террасу Гэтсби. – Счастлив, что вы заглянули ко мне.

Как будто им было не все равно!

– Присаживайтесь. Сигареты, сигары? – Он быстро прохаживался по гостиной, дергая за шнурки звонков. – Напитки нам принесут мигом.

Появление Тома сильно подействовало на него. Впрочем, он так или иначе чувствовал бы себя неловко, пока не потчевал их чем-либо, поскольку догадывался, хотя и смутно, что ради того они и явились. Правда, мистер Слоан решительно ничего не желал. Лимонад? Нет, спасибо. Немного шампанского? Совсем ничего, спасибо... Извините...

– Как покатались?

– Здесь очень хорошие дороги.

– Я полагаю, автомобильные...

– Да.

Уступив неодолимому искушению, Гэтсби обратился к Тому, которого ему представили, как человека незнакомого, и который молча принял это.

– Сколько я помню, мы с вами уже встречались, мистер Бьюкенен.

– О да, – с угрюмой учтивостью согласился Том, хоть и ясно было, что он их встречу забыл. – Встречались. Очень хорошо это помню.

– Недели примерно две назад.

– Да, верно. Вы тогда были с Ником.

– Я и с супругой вашей знаком, – тоном без малого вызывающим продолжал Гэтсби.

– Вот как?

Том повернулся ко мне.

– Ты где-то рядом живешь, Ник?

– В соседнем доме.

– Вот как?

Мистер Слоан в разговоре участия не принимал – просто сидел, высокомерно откинувшись на спинку кресла; женщина тоже до поры молчала, но, выпив два «хайбола», исполнилась благодушия.

– Мы все приедем на следующий ваш прием, мистер Гэтсби, – пообещала она. – Что вы на это скажете?

– Конечно, приезжайте. Буду вам рад.

– Вы очень любезны, – без тени благодарности произнес мистер Слоан. – Ну что же... по-моему, нам пора возвращаться домой.

– Прошу вас, не спешите, – настоятельно попросил Гэтсби. Он уже овладел собой, и теперь ему хотелось лучше изучить Тома. – Почему бы вам... Почему бы вам не остаться на ужин? Не удивлюсь, если к нему подъедет кто-нибудь из Нью-Йорка.

– Нет, лучше вы поужинайте у меня, – с энтузиазмом объявила добрая леди. – Вы оба.

То есть и я тоже. Мистер Слоан поднялся из кресла.

– Пойдем, – сказал он, но только ей одной.

– Нет, я серьезно, – стояла на своем леди. – Вы обрадуете меня, если согласитесь. Места за столом хватит.

Гэтсби вопросительно взглянул на меня. Ему хотелось принять приглашение, а того, что мистер Слоан твердо решил обойтись без него, он не понимал.

– Боюсь, не смогу, – сказал я.

– Ну, тогда вы, – настаивала, глядя на Гэтсби, леди.

Мистер Слоан пробормотал ей что-то на ухо.

– Если отправимся сейчас, не опоздаем, – громко ответила она.

– У меня нет лошади, – сказал Гэтсби. – В армии я часто ездил верхом, но здесь лошадью так и не обзавелся. Я поеду за вами в моей машине. Извините, я на минуту отлучусь.

Все мы вышли на террасу, где Слоан и леди, отойдя в сторонку, о чем-то пылко заспорили.

– Бог ты мой, и ведь поедет, – сказал мне Том. – Неужели он не понимает, что совершенно ей не нужен?

– Она говорит, что нужен.

– У нее сегодня большой званый обед, он там никого не знает. – Том насупился. – Хотел бы я знать, где он, к дьяволу, познакомился с Дэйзи? Клянусь Богом, я, может быть, и старомоден, однако женщины в наши дни слишком часто болтаются где ни попадя, и мне это не по душе. Да еще и заводят черт знает какие знакомства.

Неожиданно мистер Слоан и леди спустились с террасы и взгромоздились на лошадей.

– Поехали, – сказал мистер Слоан Тому, – мы запаздываем. Пора.

А следом мне:

– Скажите ему, что мы не могли больше ждать, ладно?

Мы с Томом пожали друг другу руки, остальные попрощались со мной (и я с ними) холодными кивками, и они быстро затрусили вдоль подъездной дорожки, скрывшись за августовской листвой, как раз когда из парадной двери дома вышел Гэтсби, державший в руке с переброшенным через нее плащом шляпу.

По-видимому, манера Дэйзи «болтаться где ни попадя» всерьез обеспокоила Тома, поскольку в следующую субботу он приехал с ней на прием Гэтсби. Возможно, именно его присутствие и сделало атмосферу того вечера странно гнетущей – в моей памяти он стоит особняком от других приемов, которые Гэтсби устраивал тем летом. Гости были все те же, во всяком случае того же сорта, шампанское так же лилось рекой, и гомон стоял все тот же, многозвучный и многокрасочный, но я ощущал в воздухе нечто неприятное, что-то грубое, до того вечера мною не замечавшееся. Хотя, возможно, я просто свыкся, привык видеть в Уэст-Эгг самодостаточный мир с собственными нормами и собственными великими фигурами, мир, бывший ничем не хуже прочих уже потому, что он не сознавал своей второсортности – а теперь

я вглядывался в него заново, глазами Дэйзи. Смотреть новыми глазами на то, к чему ты успел приспособиться ценой немалых усилий, — это всегда нагоняет грусть.

Они приехали в сумерках, и пока мы шли сквозь искрившуюся толпу из сотен людей, голос Дэйзи творил чудеса, шелестя и журча в ее гортани.

— Как же меня все это возбуждает, — шептала она. — Если захочешь поцеловать меня, Ник, — в любую минуту вечера, — дай только знать, я с удовольствием это устрою. Просто произнеси мое имя. Или покажи зеленую карточку. Я теперь раздаю зеленые...

— Посмотрите вокруг, — предложил Гэтсби.

— Я и смотрю. Я чудесно...

— Вы наверняка увидите людей, о которых немало слышаны.

Том, окинув толпу надменным взглядом, сказал:

— Мы редко выходим на люди. Собственно говоря, я, по моему, не знаю здесь ни единой души.

— Возможно, вам известна вон та дама.

И Гэтсби указал на ослепительную, куда больше похожую на орхидею, чем на человека, женщину, восседавшую, словно напоказ, под сливовым деревом. Том и Дэйзи вгляделись в нее, и, похоже, обоих охватило странное чувство нереальности, какое возникает, когда ты видишь совсем рядом с собой остававшуюся до этой минуты призраком фильмовую знаменитость.

– Она прелестна, – сказала Дэйзи.

– Мужчина, склонившийся к ней, – ее режиссер.

Гэтсби церемонно повел Дэйзи и Тома от одной компании к другой:

– Миссис Бьюкенен... мистер Бьюкенен... – и после недолгого колебания: – Великий игрок в поло.

– О нет, – сразу же возражал Том. – Только не я.

Но, по-видимому, звучание этих слов было чем-то приятно Гэтсби – Том так и остался до конца вечера «игроком в поло».

– В жизни не видела столько знаменитостей! – воскликнула Дэйзи. – Мне понравился тот... как его звали? У него еще нос сизый.

Гэтсби назвал его, добавив, что он – средней руки продюсер.

– Ну и пусть, все равно он мне понравился.

– Я все же предпочел бы не числиться игроком в поло, – исполненным любезности тоном сообщил Том, – а лучше сидел бы себе, как в кустах, и разглядывал знаменитостей.

Дэйзи и Гэтсби потанцевали. Помню, меня удивила грациозная старомодность его фокстрота – я еще не видел Гэтсби танцующим. Потом они неторопливо прошлись до моего дома и просидели с полчаса на его ступеньках, я же нес по просьбе Дэйзи вахту в саду: «На случай наводнения, или пожара, – пояснила она, – или другого стихийного бедствия».

Том «вылез из кустов», когда мы втроем уселись ужинать.

– Ты не будешь возражать, если я устроюсь вон за тем столом? – спросил он. – Там один малый отличные анекдоты рассказывает.

– Иди, конечно, – благодушно ответила Дэйзи. – А если захочешь чей-нибудь адрес записать, вот тебе мой золотой карандашик.

Том ушел, Дэйзи, взглядевшись в «тот стол», сообщила мне, что девушка «простоватая, но хорошенькая», и я понял: если не считать получаса наедине с Гэтсби, время это она провела не так уж и весело.

Компания за нашим столом сидела на редкость хмельная. Виноват тут был я – Гэтсби позвали к телефону, а я увидел за столом людей, в обществе которых веселился две недели назад. Однако то, что забавляло меня тогда, на сей раз отдавало какой-то гнилью.

– Как вы себя чувствуете, мисс Бедекер?

Девушка, к которой я обратился, уже успела попробовать прикорнуть на моем плече, но промахнулась головой мимо него. Услышав мой вопрос, она выпрямилась, открыла глаза:

– Чего?

Грузная, сонная дама, которая незадолго до этого уговаривала Дэйзи непременно поиграть с нею завтра в гольф в местном клубе, поспешила встать на защиту мисс Бедекер:

– О, сейчас она тихая. А вот как выпьет пять-шесть коктейлей, непременно визжать начинает. Я говорю ей: не трогай ты их.

– Я и не трогаю, – неубедительно заявила обвиняемая.

– Мы слышим – визжит, ну я и говорю доку Виверре, вот он сидит: «Там кой-кому помощь нужна, док».

– Она вам премного благодарна, разумеется, – сказал другой знакомый девушки, правда, в его тоне благодарностью и не пахло. – Да только, пока вы ее совали головой в бассейн, у нее все платье вымокло.

– Вот чего терпеть не могу, так это головой в бассейн, – пробормотала мисс Бедекер. – В Нью-Джерси они меня чуть не утопили.

– А вы не трогайте коктейли, – парировал этот выпад доктор Виверра.

– На себя посмотрите! – яростно взвизгнула мисс Бедекер. – У вас вон руки трясутся. Я к вам на операцию ни за что не легла бы!

Так оно и шло. Едва ли не последним, что я запомнил, было: мы с Дэйзи стоим бок о бок и наблюдаем за фильмовым режиссером и его Звездой. Они так и сидели под сливой, и лица их почти соприкасались, разделяемые лишь тонким лучом бледного лунного света. Мне вдруг пришло в голову, что режиссер, желая достичь этой близости, весь вечер медленно-медленно склонялся к ней, и теперь, глядя на них, я увидел, как он, в последний раз чуть изменив угол наклона, поцеловал ее в щеку.

– Она мне нравится, – сказала Дэйзи. – По-моему, она чудесная.

Однако все остальное представлялось ей оскорбительным – и безоговорочно, поскольку отвращение, которое она испытывала, было не показным, но подлинным. Уэст-Эгг, это беспримерное «обиталище», порождение Бродвея, навязанное им рыбацкой деревушке Лонг-Айленда, пугало Дэйзи – его нагой напористостью, отвергавшей дряхлые эвфемизмы, и слишком бесцеремонной здесь судьбой, что сбивала его жителей в стадо и гнала кратчайшим путем из ничего в ничто. В самой неопишуемой простоте его Дэйзи усматривала нечто страшное, недоступное ее пониманию.

Я сидел с Томом и Дэйзи, ожидавшими своей машины, на ступенях террасы. Перед нами простиралась темнота, лишь яркая дверь выстреливала в тихое темное утро прямоугольник света. Порой над нашими головами скользила по занавесям гардеробной тень, ее сменяла другая – то было смутное шествие призраков, что румянились и пудрились, глядя в зеркало, которого мы не видели.

– Кто он, кстати сказать, такой, ваш Гэтсби? – вдруг спросил Том. – Крупный бутлегер?

– От кого ты это слышал? – поинтересовался я.

– Ни от кого. Само в голову пришло. Ты же знаешь, куча нынешних нуворишей – просто-напросто бутлегеры.

– Не Гэтсби, – коротко отрезал я.

Том ненадолго примолк. Гравий подъездной дорожки похрустывал под его подошвами.

– Ладно, ему наверняка пришлось попотеть, чтобы со-

брать здесь этот бродячий зверинец.

Ветерок ерошил серую дымку мехового воротника Дэйзи.

– По крайней мере, эти люди интереснее тех, с кем водимся мы, – неохотно произнесла она.

– Что-то ты не выглядела такой уж заинтересованной.

– Но была.

Том усмехнулся, повернулся ко мне.

– Ты заметил, что сделалось с лицом Дэйзи, когда та девица попросила отвести ее под холодный душ?

Дэйзи начала подпевать музыке хриловатым, ритмичным шепотом, извлекая из каждого слова смысл, которого оно никогда не имело и никогда не получит снова. На высоких нотах ее голос нежно слабел, как это бывает с контральто, и с каждым поворотом мелодии она отдавала воздуху частичку своего теплого живого волшебства.

– Очень многие заявляются сюда без приглашения, – неожиданно сказала она. – Та девушка, к примеру. Просто вламываются в дом, а хозяин его слишком воспитан, чтобы гнать их.

– А все же хотелось бы узнать, кто он и чем живет, – упорствовал Том. – И уж я постараюсь выяснить это.

– Да я тебе хоть сейчас скажу, – отозвалась Дэйзи. – Он владеет аптеками, множеством аптек. Которые сам и построил.

На дорожке показался их нерасторопный лимузин.

– Спокойной ночи, Ник, – сказала Дэйзи.

Взгляд ее, оторвавшись от меня, обратился к освещенным верхним ступеням, на которые изливался из открытой двери модный в том году чистый, печальный вальсок «Три часа утра». В конечном счете, в самой беспорядочности устроенного Гэтсби приема присутствовали романтические возможности, которых был напрочь лишен мир Дэйзи. Что крылось в песенке, которая, казалось, звала ее назад, в дом? Что может случиться там в этот темный, непредсказуемый час? Возможно, появится немыслимый гость, человек невероятно редкостный, на которого можно только дивиться издали, или некая воистину лучезарная юная дева – и довольно будет одного ее чистого взгляда, одного мгновения магической встречи с нею, чтобы стереть из памяти Гэтсби пять лет неколебимой преданности?

Я задержался в ту ночь допоздна. Гэтсби просил меня подождать, когда он освободится, и я сидел в парке, пока с темного пляжа не прибежала непременно компания озябших, восторженных купальщиков, пока наверху, в комнатах для гостей, не погас свет. Когда он наконец спустился по ступенькам, скулы выступали на его загорелом лице с необычной резкостью, а усталые глаза словно светились.

– Ей не понравилось, – сразу сказал он.

– Конечно, понравилось.

– Не понравилось, – упорствовал Гэтсби. – Она скучала.

Гэтсби замолк, и я понял, что он невероятно подавлен.

– Я сознаю, какое огромное расстояние нас разделяет, –

сказал он. – Мне так трудно добиться, чтобы она уступила мне.

– Вы говорите о вашем с ней танце?

– Танце? – Он щелкнул пальцами, отбрасывая все танцы, в каких когда-либо участвовал. – Танцы не имеют никакого значения, старина.

Он хотел, ни больше ни меньше, чтобы Дэйзи пошла к Тому и сказала: «Я никогда не любила тебя». А после того, как она уничтожит этой фразой четыре года супружеской жизни, можно будет заняться делами более практическими. И одно из них таково: когда она получит свободу, оба вернутся в Луисвилл и поженятся, и он повезет Дэйзи под венец из ее дома – как то и было задумано пять лет назад.

– Да только она не соглашается, – сказал Гэтсби. – А прежде соглашалась на все. Мы с ней часами говорили об этом...

Он не закончил и стал прохаживаться вперед-назад по обезлюдевшей дорожке, которую усеяли яблочная кожура, выброшенные гостями сувенирчики и растоптанные цветы.

– Не стоит просить ее слишком о многом, – наконец решился я. – Прошое невосвратимо.

– Невосвратимо? – неверяще воскликнул Гэтсби. – Еще как возвратимо!

Он диковато поозирался по сторонам – как будто прошлое затаилось где-то здесь, в тени его дома, но только в руки не дается.

– Я собираюсь сделать все таким, каким оно было раньше, – сказал он и решительно покивал. – Она еще увидит.

Гэтсби долго распространялся о прошлом, и я понял: ему хочется восстановить что-то, быть может, некую идею, образ его самого, входивший когда-то в состав его любви к Дэйзи. С той поры жизнь его запуталась, лишилась порядка, но если он сможет однажды вернуться в определенное место, туда, где все началось, и не спеша осмотреться там, то сможет и понять, чего ему теперь не хватает...

...Одним осенним вечером пятилетней давности они шли по улице, на которую падали листья, и дошли до места, где деревьев не было и тротуар белел под светом луны. Там они остановились и повернулись друг к другу. Ночь, надо сказать, была прохладная, пропитанная таинственным волнением, какое возникает лишь при двух больших годовых переменах. Мирные огни в окнах домов что-то мурлыкали темноте, в небе суматошили звезды. Краем глаза Гэтсби заметил, что плиты тротуара образуют на самом-то деле лестницу, которая поднимается к потаенному месту над деревьями, – он мог бы взобраться по ней, если бы взбирался один, а оказавшись там – припасть к сосцам жизни и глотнуть неподобного млека чудес.

Белеющее лицо Дэйзи приближалось к его лицу, сердце билось быстрее, быстрее. Гэтсби знал: стоит ему поцеловать эту девушку, и его несказанные видения навеки обручатся с ее бренным дыханием, и мысли никогда больше не смогут

лететь стремглав, как у Бога. И потому он ждал, дольше, чем следовало, вслушиваясь в гудение камертона, ударившего по звезде. А после поцеловал ее. От прикосновения его губ она раскрылась перед ним, как цветок, и претворение совершилось.

Все, что он говорил, и даже его ужасающая сентиментальность напоминали мне что-то — неуловимый ритм, обломки утраченных слов, слышанных мною где-то давным-давно. На миг некая фраза попыталась сложиться прямо на моем языке, губы мои разделились, точно у немого, — так, словно им приходилось бороться не только с порывами испуганного воздуха, но и с чем-то другим, много бóльшим. Однако они не издали ни звука, и то, что я почти вспомнил, стало неизъяснимым уже навсегда.

Глава седьмая

И вот в одну из субботних ночей, как раз в ту пору, когда возбуждаемое Гэтсби любопытство достигло высшего накала, огни в его поместье не загорелись – он покончил с карьерой Трималхиона¹⁸ – так же необъяснимо, как начал ее. Лишь постепенно стал я замечать, что машины, которые с надеждой сворачивали на его подъездную дорожку, останавливались у дома всего на минуту, а затем обиженно уезжали прочь. «Уж не заболел ли он часом?» – подумал я и пошел к нему, проверить, и незнакомый мне дворецкий с самой злодейской физиономией подозрительно сощурился на меня, стоя в двери.

– Не заболел ли мистер Гэтсби?

– Не-а... – Он помолчал и добавил неторопливо и нехотя: «сэр».

– Он давно не выходит из дома, вот я и забеспокоился. Скажите ему, что заходил мистер Каррауэй.

– Кто-кто? – переспросил грубиян.

– Каррауэй.

– Каррауэй. Ладно, скажу, – и захлопнул дверь.

¹⁸ Трималхион – персонаж романа «Сатирикон», авторство которого приписывается жившему во времена Нерона Петронию Арбитру, разбогатевший вольноотпущенник. Роман сохранился фрагментарно, основная часть – именно «Пир у Трималхиона».

Моя финка известила меня, что неделю назад Гэтсби поувольнял всех своих слуг и нанял с полдюжины других, которые в деревне Уэст-Эгг никогда не показываются, тем самым лишая тамошних лавочников возможности подкупить их, а все свои скромные заказы делают по телефону. Посыльный продуктового магазина сообщил, что кухня дома Гэтсби стала похожей на хлеб, и общественное мнение деревни постановило: эти новички никакие не слуги.

На следующий день мне позвонил Гэтсби.

– Уезжать собираетесь? – поинтересовался я.

– Нет, старина.

– Я слышал, вы всех слуг уволили.

– Мне потребовались такие, что сплетничать не станут. Ко мне довольно часто заезжает после полудня Дэйзи.

Стало быть, весь его караван-сарай обрушился, точно карточный домик, под ее неодобрительным взглядом.

– А это люди, за которых просил Вольфшайм. Они – братья и сестры. Раньше держали маленький отель.

– Понятно.

Звонил он по просьбе Дэйзи – не приеду ли я завтра на ленч в ее дом? Там и мисс Бейкер будет. Через полчаса позвонила сама Дэйзи и, как мне показалось, испытала облегчение, услышав, что я приеду. Затевалось что-то серьезное. Хотя я все же не мог поверить, что они выбрали этот случай, чтобы устроить сцену – и особенно ту, душераздирающую, о которой Гэтсби мечтал при мне в парке.

Следующий день выдался опаляющим, едва ли не последним из таких и определенно самым жарким за то лето. Когда мой поезд вышел из туннеля под солнце, только пышущие жаром гудки «Национальной бисквитной компании» и нарушали словно закипавшую на медленном огне полуденную тишь. Сплетенным из соломы сиденьям вагона оставалось до самовозгорания всего ничего; сидевшая рядом со мной женщина в белой блузке с длинным рукавом некоторое время деликатно потела, но когда под ее пальцами начала намокать газета, неутешно вскрикнула и, утратив все надежды, откинулась на раскаленную спинку своего сиденья. Плоская сумочка ее плюхнулась на пол.

– О господи! – ахнула женщина.

Я не без труда нагнулся, поднял сумочку и протянул ее хозяйке, держа за самый уголок, дабы показать, что никаких злодейских замыслов на ее счет не питаю, – однако все мои соседи, включая и хозяйку сумочки, в них-то меня и заподозрили.

– Жарко! – повторял, увидев очередное знакомое лицо, проверявший билеты проводник нашего вагона. – Ну и погода! Жарко! Жарко! Жарко! Вот жарища-то, а? Жарко, верно? Вот так...

Мой сезонный билет вернулся ко мне с темным следом его пальца. И кому в такую жару дело, чьи распаленные губы он целует, чья щека увлажняет нагрудный карман его пижамы – тот, под которым бьется сердце.

...По вестибюлю Тома Бьюкенена гулял сквознячок, донесший до меня и Гэтсби, ожидавших у двери, треньканье телефонного аппарата.

– Тело хозяина? – проревел в рожок аппарата дворецкий. – Простите, мадам, но его мы вам предоставить не можем. В такую жару до него и дотронуться страшно!

На самом-то деле он сказал:

– Да... да... я посмотрю.

Он повесил слуховую трубку на аппарат и направился к нам, чтобы взять наши канотье. На лице его поблескивал пот.

– Мадам ожидает вас в гостиной! – воскликнул он и без нужды указал рукой направление. При таком зное каждый лишний жест казался надругательством над общечеловеческим запасом жизненных сил.

В затененной маркизами гостиной было сумрачно и прохладно. Дэйзи и Джордан лежали, будто серебряные идола, на огромном диване, прижимая к нему ладонями свои белые юбки, чтобы под них не забрался рождаемый вентиляторами певучий ветерок.

– Даже пошевелиться не можем, – в один голос сообщили они.

Припудренные, чтобы скрыть загар, пальцы Джордан на краткий миг задержались в моей ладони.

– А где мистер Томас Бьюкенен, атлет? – осведомился я.

И тут же услышал его голос – грубоватый, приглушенный, хриплый, – говоривший что-то в телефон.

Гэтсби, стоя в середине кармазинового ковра, обводил гостиную замороженным взглядом. Дэйзи наблюдала за ним, посмеиваясь взволнованно и мелодично, и едва приметное облачко пудры взметалось над ее декольтированной грудью.

– Ходят слухи, – прошептала мне Джордан, – что позволила женщина Тома.

Мы молчали. Голос в вестибюле раздраженно окреп.

– Что же, очень хорошо, я вам вообще продавать машину не стану... Я вам решительно ничем не обязан... И если вы еще раз полезете ко мне во время завтрака, я этого не потерплю!

– Трубку-то уже повесил, – цинично заметила Дэйзи.

– Нет, не повесил, – заверил я. – Они действительно договаривались о продаже машины. Я случайно узнал об этом.

Том распахнул дверь, на миг перекрыл ее проем своим плотным телом и торопливо вступил в комнату.

– Мистер Гэтсби! – Он протянул – с умело замаскированной неприязнью – свою широкую, плоскую ладонь. – Рад видеть вас, сэр... Ник...

– Принеси нам выпить, холодненького! – попросила Дэйзи.

Едва Том покинул гостиную, она встала, подошла к Гэтсби, притянула его лицо к своему и поцеловала в губы.

– Ты знаешь, как я люблю тебя, – промурлыкала она.

– Ты забыла, здесь присутствует леди, – сказала Джордан.

Дэйзи оглянулась, лицо ее выразило сомнение.

– А ты тоже Ника поцелуй.

– Какая ты неотесанная, вульгарная женщина.

– А мне все равно! – вскричала Дэйзи и принялась постукивать каблуком туфельки по каминному кирпичу. Однако, быстро вспомнив о жаре, виновато опустилась на край дивана, и тут в гостиную вошла, ведя за руку девочку, свежестиранный няня.

– Ра-дость моя бес-ценная, – заворковала Дэйзи, протягивая к девочке руки. – Иди к мамочке, она так тебя любит.

Отпущенный няней ребенок бегом пересек комнату и стыдливо зарылся лицом в подол материнского платья.

– Ра-дость бес-ценная! А мамочкина пудра на твои желтенькие волосики не осыплется? Выпрямись, скажи здравствуй-те.

Мы с Гэтсби по очереди склонились к дитяти, пожали неохотно поданную нам ручку. Гэтсби смотрел на девочку не без удивления. Не думаю, что до этой минуты он всерьез верил в ее существование.

– А я к завтраку платье надела, – сказала дитя, подняв лицо к Дэйзи.

– Это потому что мама хотела тобой похвастаться. – Она прижалась щекой к единственной складке на тоненькой белой шее дочери. – Ты просто мечта, вот ты кто. Маленькая мечта.

– Да, – спокойно согласилась девочка. – У тети Джордан платье тоже белое.

– Тебе нравятся мамины друзья? – И Дэйзи развернула девочку лицом к Гэтсби. – Красивенькие, правда?

– А где папа?

– Совсем на отца не похожа, – объявила Дэйзи. – Вся в меня. И волосы мои, и овал лица.

Дэйзи снова откинулась на диван. Няня, подойдя к девочке, взяла ее за руку.

– Пойдем, Пэмми.

– До свидания, любовь моя!

Хорошо вышколенное дитя, держась за руку няни и лишь один раз сокрушенно оглянувшись, покинуло гостиную, и тут же в двери показался Том; за ним следовал слуга, несший четыре высоких бокала с коктейлем «рики», в которых теснились кубики льда.

Гэтсби взял один.

– И вправду холодный, – с заметным напряжением сказал он.

Мы пили большими жадными глотками.

– Я читал где-то, что с каждым годом солнце становится все горячее, – благодушно сообщил Том. – И похоже, земля очень скоро упадет на него... хотя постойте-ка... как раз наоборот... солнце с каждым годом остывает.

– Давайте выйдем из дома, – предложил он Гэтсби. – Мне хочется показать вам, как мы тут устроились.

Я тоже вышел с ними на веранду. По отливавшему зеленой, словно оцепеневшему от зноя Проливу полз к прохла-

де открытого моря маленький парусник. Гэтсби миг-другой провожал его взглядом, затем поднял руку и указал через бухту:

– Мой дом прямо напротив вашего.

– Да, верно.

Мы смотрели туда поверх розовых клумб, жаркой лужайки, прибрежной полосы спаленной зноем сорной травы. Белые крылья парусника вставали над горизонтом в прохладной синеве неба. Впереди их ждал фестончатый океан и множество блаженных островов.

– Хороший спорт, – сказал, кивая, Том. – С удовольствием провел бы часок там, на палубе.

Завтракали мы в столовой, также затененной от жары, и старались утопить нервическую веселость в холодном эле.

– Чем займемся после полудня? – громко спросила Дэйзи. – И завтра, и в ближайшие тридцать лет?

– Ну что ты меланхолию разводишь? – сказала Джордан. – Осенью посвежеет, и жизнь начнется заново.

– Но ведь так жарко, – чуть ли не со слезами в голосе настаивала Дэйзи. – И все так запуталось. А давайте в город поедем!

Голос ее силился одолеть зной, бился об него, пытаясь придать его бессмысленности хоть какую-то форму.

– Мне доводилось слышать о том, что конюшню превратили в гараж, – говорил Том Гэтсби, – но я первый, кто превратил гараж в конюшню.

– Ну, кто хочет в город? – настаивала Дэйзи. Взгляд Гэтсби неторопливо поплыл в ее сторону.

– Ах, – воскликнула она, – у вас такой хладнокровный вид.

Глаза их встретились, они смотрели друг на дружку, оставшись во вселенной одни. Дэйзи с усилием опустила взгляд к столу.

– Всегда такой хладнокровный вид, – повторила она.

Так она сказала Гэтсби, что любит его, и Том Бьюкенен ее понял. И это его оглушило. Рот Тома слегка приоткрылся, он посмотрел на Гэтсби, снова на Дэйзи, словно только сию минуту признав в ней женщину, с которой был знаком когда-то давно.

– Вы походите на мужчину из рекламного объявления, – ничего не замечая, продолжала она. – Знаете, с рекламной картинки...

– Ладно, – поспешил перебить ее Том, – я согласен отправиться в город, вполне. Поднимайтесь – мы все едем в город.

Он встал, взгляд его метался между Гэтсби и женой. Никто не шелохнулся.

– Ну же! – Терпение Тома дало первую трещину. – Что с вами со всеми? Ехать так ехать.

Рука его, подрагивавшая от усилий, которые он делал, чтобы сохранить самообладание, поднесла к губам бокал с остатками эля. Тут голос Дэйзи поднял нас на ноги и вывел на слепившую глаза подъездную дорожку.

– Что, возьмем и поедем? – протестовала она. – Вот так? Может, кому-то захочется сначала сигарету выкурить?

– Мы весь завтрак курили.

– Давай все же от жизни удовольствие получать, – попросила Дэйзи. – А суетиться в такую жару вредно.

Том ничего не ответил.

– Ну, будь по-твоему, – смирилась она. – Пойдем, Джордан.

Они поднялись наверх, чтобы подготовиться к поездке, мы, трое мужчин, остались стоять на подъездной дорожке, вороша ступнями горячий гравий. На западе уже висел в небе серебристый месяц. Гэтсби начал было какую-то фразу, но передумал, хотя Том уже повернулся и смотрел, ожидая, ему в лицо.

– Так где находятся ваши конюшни? – через силу спросил Гэтсби.

– У дороги, в четверти мили отсюда.

– О.

Пауза.

– Не понимаю, зачем нам ехать в город, – гневно выпалил Том. – Женщина, если вобьет себе что в голову...

– Питье с собой взять какое-нибудь? – крикнула из окна наверху Дэйзи.

– Я возьму виски, – ответил Том. И ушел внутрь дома.

Гэтсби скованно, всем телом повернулся ко мне.

– Я в этом доме слова выговорить не могу, старина.

– Дэйзи голос не приглушает, – заметил я. – И голос ее наполнен...

Я замялся.

– Деньгами, – неожиданно сказал он.

Вот именно. Как же это я не сообразил? Голос ее наполняли деньги – они и были тем неисчерпаемым очарованием, что поднималось в нем и спадало... их перезвон, бряцанье кимвалов... высоко в белом тереме сидит королевская дочь, сидит золотая дева...

Том вышел из дома, заворачивая в полотенце литровую бутылку, за ним последовали Дэйзи и Джордан, обе в маленьких шляпках из отливавшей металлом ткани и с легкими накидками в руках.

– Давайте поедem в моей машине, – предложил Гэтсби. Он провел ладонью по горячей зеленой коже ее сиденья. – Надо было в тени поставить.

– Переключение передач у нее обычное? – спросил Том.

– Да.

– Ну, тогда берите мою двухместку, а вашу машину поведу в город я.

Гэтсби его предложение не понравилось.

– Боюсь, у моей бензина маловато, – попытался возразить он.

– Вполне достаточно, – громогласно объявил Том и посмотрел на датчик горючего. – А не хватит, так остановлюсь у какой-нибудь аптеки. В них теперь чего только не продают.

За этим внешне бессмысленным замечанием последовала пауза. Дэйзи смотрела на Тома, нахмурясь, по лицу Гэтсби скользнуло не поддающееся четкому определению выражение, одновременно и незнакомое мне, и смутно узнаваемое – как будто я всего лишь слышал, как его описывали словами.

– Пошли, Дэйзи, – сказал Том, подталкивая ее к машине Гэтсби. – Поедешь со мной в этом цирковом фургоне.

Он открыл перед ней дверцу, но Дэйзи вывернулась из-под обнявшей ее за плечи руки мужа.

– Возьми Ника и Джордан. Мы поедем за вами в твоей машине.

Она прошла совсем близко от Гэтсби, скользнув тылом ладони по его пиджаку. Джордан, Том и я уселись на переднее сиденье большой машины, Том на пробу поводил вперед-назад непривычную для него ручку переключения передач, и мы вылетели в жестокий зной и очень скоро потеряли оставшихся сзади Дэйзи и Гэтсби из виду.

– Видали? – спросил Том.

– Что именно?

Он бросил на меня острый взгляд, сразу сообразив, что нам с Джордан, должно быть, давно уже все известно.

– Думаешь, я совсем тупой, а? – осведомился он. – Может, и так, но временами во мне просыпается... почти ясновидение, и оно говорит мне, как поступать. Ты можешь в это не верить, однако наука...

Он умолк. Непосредственно затронувшая Тома беда за-

ставила его отойти от края умозрительной пропасти.

– Я кое-что выяснил об этом типе, провел небольшое исследование, – снова заговорил он. – Мог бы копнуть и глубже, если бы знал...

– Ты хочешь сказать, что побывал у прорицателя? – насмешливо спросила Джордан.

– Зачем? – Он недоуменно взглянул на нас, засмеявшихся. – У какого еще прорицателя?

– Ну, чтобы вызнать все о Гэтсби.

– О Гэтсби! Нет, не побывал. Просто покопался немного в его прошлом.

– И выяснил, что он учился в Оксфорде, – подсказала Джордан.

– В Оксфорде! – скептически воскликнул Том. – Черта лысого. Он же в розовом костюме разгуливает!

– Тем не менее он там учился.

– В Оксфорде, штат Нью-Мексико, – презрительно фыркнул Том, – или где-то еще в подобном же роде.

– Послушай, Том. Если ты такой сноб, зачем было приглашать его на завтрак? – сердито спросила Джордан.

– Так его Дэйзи пригласила, они были знакомы еще до того, как мы с ней поженились, – бог его знает где!

В каждом из нас выдыхавшиеся пары эля оставляли взамен себя раздражительность, и мы, сознавая это, на время погрузились в молчание. А затем, когда над дорогой показались выцветшие глаза доктора Т. Дж. Экклебурга, я напoм-

нил Тому об опасениях Гэтсби насчет бензина.

– До города нам хватит, – ответил он.

– Но вон же заправка, – возразила Джордан. – Не хватало еще застрять на таком пекле.

Том сердито ударил по тормозам, машина заскользила и, подняв облако пыли, резко встала под вывеской Уилсона. Миг спустя он вышел из недр своего заведения и уставился ввалившимися глазами на автомобиль.

– Залейте нам бак! – грубо крикнул Том. – Для чего мы остановились, по-вашему, – видом полюбоваться?

– Я болен, – не стронувшись с места, сказал Уилсон. – С утра занемог.

– Что с вами?

– С ног валюсь.

– И что, мне теперь самому возиться? – сердито спросил Том. – По телефону вы говорили нормально.

Уилсон с видимым усилием покинул тень дверного проема, о косяк которого опирался, и, тяжело дыша, отвинтил крышечку нашего бака. При солнечном свете лицо его оказалось зеленым.

– Я не хотел прерывать ваш завтрак, – сказал он. – Просто мне очень нужны деньги, вот я и решил узнать, что вы думаете делать с вашей старой машиной.

– А как вам нравится эта? – поинтересовался Том. – Я ее на прошлой неделе купил.

– Хороший желтый цвет, – ответил Уилсон, налегая на ры-

чаг бензоколонки.

– Хотите ее купить?

– Не потяну, – вяло улыбнулся Уилсон. – А вот на той я мог бы подзаработать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.